

ГОМУНКУЛ

МАКСИМ РАДАЕВ

Максим Радаев

Гомункул

<https://litres.ru/74365657>

SelfPub; 2026

Аннотация

В армии для главного героя начинаются странные события. Возвращение преподносит жестокий удар: мать становится жертвой аварии. Попытка наказать виновного втягивает парня в опасный конфликт с беспощадным криминальным миром. Оказавшись в опасной ситуации, создаёт верного гомункула, чтобы бросить вызов бандитам.

Но настоящие испытания только начинаются. Найденный с другом проклятый клад приносит не богатство, а новую трагедию. Теперь, используя тёмное знание, герой должен вернуть золото, жестоко отомстить убийцам и найти любовь. А возможно этот мир и не самое уютное место во вселенной

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	28
Глава 7	33
Глава 8	41
Глава 9	46
Глава 10	51
Глава 11	57
Глава 12	64
Глава 13	70
Глава 14	79
Глава 15	87
Глава 16	94
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Максим Радаев

Гомункул

Глава 1

*Все события в книге
вымышлены,
все совпадения случайны.*

— Лоу!
— Двойка!
— Маэ!
— Тройка!
— Доворачивай ногу, доворачивай.

На поваленной сосне, будто на тренировочном помосте, стоит парень. Смуглая кожа отливает бронзой в косых лучах солнца. Камуфляжные штаны держатся на кожаном ремне, ослепительно сверкает бронзовая бляха с звездой - особый дембельский шик. Выше пояса ничего, только тело, изрезанное жизнью. На спине темнеет шрам, след старого ножевого, перебитый нос говорит о бесчисленных уличных драках, дополняет картину слегка порванное правое ухо.

— Давай Степа, минута осталась, - сказал парень, снова потекли короткие, как удары, команды.

— Маэ!

— Двойка!

Кедр гудит от ударов, мошка в ужасе жмётся к краям поляны.

— Присядь слегка, корпус резче доворачивай!

— Лоу!

В центре вытоптанной полянки — кедр, толщиной с бочку, по кругу набита самодельная макивара из мешковины. Крепкий парень в камуфляжных штанах, замер в боевой стойке, поджарое тело сверкает каплями пота в утреннем солнце.

— Всё Стёпа, хорош, - сказал смуглый, достал сигареты.

Стёпа упёрся ладонями в коленки, дыхание пошло восстанавливаться быстрее. Через пару минут, выпрямился, подхватил с поваленного кедра полотенце, обтёрся.

— А прикури-ка мне сигарету, Цыган, - сказал Степан, перешнуровывая берцы.

— Ты чо, душара, бессмертный что ли! – рыкнул смуглый, пружиной соскочил с бревна, нога метнулась в убойном маваши.

Степан уклонился от удара, провёл правый боковой в корпус, на секунду задержал удар. Цыган по инерции навалился на Степана, оба заржали, что сытые кони.

— Молоток, а помнишь, каким дрыщём пришёл?

— Помню конечно, - сказал Степан, накинул на плечи камуфляжную куртку с лычками младшего сержанта.

— Пойдём, скоро почта приедет, - сказал Цыган, подхватил с бревна сержантскую куртку.

Парни стали подниматься по узкой тропе, петляющей между валунов и низких кустов багульника. Камни под берцами, будто иссечены ветром и временем. Тропа понемногу забирает вверх, с каждым поворотом открываются тёмные шапки кедров на соседних сопках.

Наконец тропа вывела на вершину сопки. Застава выглядит как маленький островок порядка среди дикой тайги, аккуратная казарма, вышка с часовым, хозпостройки. До дембеля осталось пара месяцев, в душе мелькнула лёгкая грусть, всё-таки привык к простой солдатской жизни.

— Я всё-таки на контракт останусь, - сказал Цыган, - здесь я чувствую себя дома.

— Тоже дело, - сказал Степан. — А я к матушке поеду, соскучился уже.

За год до армии у Цыгана умерла мать, отца вообще не знал. Из родственников никого, возвращаться некуда. Степан ждёт мать, от отца остался только небольшой амулет, что болтается на шее, на тонкой серебряной цепочке. Похожий на полумесяц, на ощупь будто камень, изрезанный непонятными знаками.

Во дворе заставы, камуфляжный ГАЗ-66, летнее солнце сверкает в круглых фарах, словно глаза голема. Степан пошёл к высокому парню в тельняшке, штаны под цвет грузовика.

— Здорово Егор, рад тебя видеть.

— Здорово Стёп, не меня ты рад видеть, а то что военная почта присылает.

— Что сказать, прямо в точку, - сказал Цыган, подходя ближе.

— Вот жук, ничего святого, - сказал Егор, улыбаясь во все тридцать шесть, - Вот, держи.

В ладонь Степана упало пухлое письмо, посередине наклейка с адресатом. От матери, больше некому, до армии не успел обзавестись постоянной девушкой, а случайных можно вообще не вспоминать.

— Пойдём Егор, покурим, да потрещим за дела насущные, - сказал Цыган, протянул пачку китайских сигарет.

— Ого, откуда дровишки? – сказал Егор, рассматривая пачку.

— С последнего задержания, чего добру пропадать. Бери – бери, у меня ещё есть.

Степан толкнул дверь и вошёл в казарму, пять коек справа, пять слева, синие одеяла выровнены, хоть строительным уровнем проверяй. Разлёгся на кровати, закинул ноги на дужку. Что ни говори, а положение дембеля имеет свои плюсы.

Достал из тумбочки ножичек размером с палец, лезвие выскочило, словно коготь у тигра. Кончик лизнул край письма, выпал исписанный лист и замшевый пакетик, перетянутый капроновой ниткой. Особо не заморачиваясь, перере-

зал нитку и вытряхнул на ладонь небольшую вещицу. Глаза округлились, рука потянулась к цепочке на шее.

— Едрён завертон.

В руках половинка амулета, близнец того, что болтается на шее. Степан расстегнул цепочку, приблизил половинки друг к другу. Щелчок, и части амулета приросли друг к другу. Степан безрезультатно поискал шов и хмыкнув, застегнул цепочку на шее. Разгладил тетрадный лист, густо исписанный аккуратным почерком.

«Стёпушка, выполняю волю твоего отца, в день рождения соедини половинки амулета, как он просил. Не знаю, почему именно когда исполнится двадцать лет, но думаю, он знал, что делал. Жду не дождусь тебя сынок, ещё два месяца, кажется, так долго...».

Глава 2

Степан дочитал письмо и положил в тумбочку, день рождения уже сегодня, так что Егор приехал вовремя. Сунул амулет под куртку и вышел из казармы. В деревянной беседке, увитой диким виноградом, расположились Цыган с Егором, Степан плюхнулся на лавочку, достал сигареты.

— Ну что, всё по чертежу?

— Угу, - сказал Егор, расстегнул сумку-трёхдонку, сверкнули звёзды на пробках.

— Отлично, скоро народ с обхода вернётся, загудим, надо дежурного озадачить с мангалом.

— Я пока оленину притараню, позавчера удачно на браконьеров нарвались, - сказал Цыган, поднялся с лавочки.

— погоди, Цыган, - сказал Егор, достал из кармана свёрток и протянул Степану.

— Ваша доля, Стёпыч, с последней темы.

— Нормально вышло?

— Неплохо, по стописят каждому, - сказал Егор.

— Пойдёт, - сказал Степан, убрал свёрток в карман.

— Ещё ходили?

— Да, завтра, перед отъездом заберёшь пару корней.

— Ништяк, ты куда собрался?

— Пойду, бабки пристрою в надёжное место, а то потеряю исчо.

Степан зашёл в здание, едва не поскользнулся на мокром полу. Дежурному, виновато замершему с тряпкой в руке, шутливо погрозил кулаком. Промелькнули плакаты на стенах, подошёл к серой двери, мазнул взглядом по зеркальной табличке «Командир части №...». Пару раз стукнул в дверь для приличия, вошёл в кабинет.

— Здравьжелаю, таищмайор.

— Здорово, именинник, присаживайся, - сказал кряжистый мужчина в камуфляжной форме, матово блеснули звёзды на погонах.

Движения неторопливые, мощные, словно медведь в берлоге, выбрался из-за стола, крепко пожал руку, хлопнул по плечу так что едва не вогнал по колено в пол. Достал из-под стола бутылку коньяка.

— Олег Иванович, я тут денег принёс малёхо, по сто пятьдесят на брата, - сказал именинник, на стол плюхнулся пакет.

— Отлично, Стёпа, отлично. Теперь с командиром дёрни по сто пятьдесят на брата, - хохотнул майор, янтарная жидкость устремила в рюмки.

— С командиром грех не выпить.

— За именинника!

Звякнул хрусталь, Степан потянулся к коробке с конфетами.

— Настоящее «птичье молоко», брат со Владика привёз, - сказал майор, подошёл к сейфу в углу кабинета, скрипнула массивная дверца и пакет с деньгами исчез в стальной утробе.

бе.

— Поздравляю, товарищ сержант, домой вернёшься не с пустыми руками, - сказал командир, уселся в кресло.

— Класс, будет с чего разгуляться на гражданке, - сказал Степан, довольно потёр ладони. — Так я ж пока младший, вроде.

— На дембель сержантом уйдёшь, - сказал майор, вновь наполнил рюмки.

— Понял, - сказал Степан, губы сами разъехались в довольной улыбке.

— Выпьем, да послушай старого крокодила, не гонись за развлечениями. Спустишь деньги на девок да пьянки, чего потом делать будешь?

— Работать пойду куда ни будь, что делать-то. В посёлке с работой не очень, правда, но можно во Владике устроиться без проблем.

— И что, до пенсии будешь на дядю горбатиться, а девушку найдёшь, детки пойдут, так и будешь прозябать всю жизнь. У тебя сейчас хороший задел на будущее.

— Какие мои годы, Олег Иванович, успею ещё жизнь устроить. Погулять то хочется.

— Гульни немного, как без этого, только все деньги не трать. Поверь мне, годы летят очень быстро. Я тоже был как ты, после армии гулял, в одну из гулянок жену будущую встретил. Тоже думал, что успею всё наладить, многого добиться. А жизнь вон как сложилась, семью потерял, караб-

каться наверх желание пропало.

Командир со Степаном вышли на крыльцо, в беседке уже вовсю бурлит движение, в сторонке дымится мангал, Егор насаживает на шампура сочные куски мяса. Цыган нарежает копчёную чавычу.

— Равняйсь, - рявкнул Степан.

Егор подскочил с шампуром в одной руке, вторая, с куском мяса вскинулась к виску. Цыган тоже замер с куском рыбы в руках.

— Ха-ха-ха, - мощно задал ноту командир, бойцы подхватили, от хохота посыпались иголки с кедров.

— Руки за голову, на землю, лицом вниз! - раздался рёв со стороны тайги.

— Я те дам, лицом вниз, диверсанты хреновы, - гаркнул командир. - Яша, ты на два часа. Лёха, выходи из-за машины. А ты, Кирилл, слазь с гаража, и не лень карабкаться было.

— Товарищ майор, к вам не подобраться, - сказал камуфлированный парень, выбираясь из куста.

— Яша, глянь сюда, - сказал командир, в ладонях по метательному ножу. Короткий взмах, лезвие мощно врубилось в кедр, стоящий как раз за кустом.

— Иваныч как всегда, начеку, - сказал боец в камуфляже, выходя из-за грузовика.

Послышался грохот и отчаянные маты, из-за кирпичного гаража вышел, прихрамывая, третий боец.

— Кто там тазик ржавый бросил, ёпэрэсэтэ, чуть ноги не

переломал.

— Кирюха, ты бы не лез куда попало, и всё нормуль бы вышло, - сказал Степан, сдерживая хохот.

— Смешно вам, развлекаетесь, а мы рубежи охраняем, - сказал Яша.

— Ну и как. Получается? - спросил командир.

— Периметр в порядке, Иваныч, только восьмую камеру пришлось переставить на соседнее дерево, уже третий раз вниз смотрит. Там дупло, похоже белки шалят.

— Ну и ладушки. Стволы в оружейку и за стол.

Когда все, кроме дежурного за мониторами видеонаблюдения, собрались в беседке, Егор разлил коньяк по стаканам.

— Поздравляем тебя, Степан батькович с совершеннолетием и желаем долгих лет здоровья и счастья, - сказал командир.

— Поздравляем, от души, так сказать, - сказал Цыган, от крепкого рукопожатия онемели пальцы.

Степан по очереди пожал всем руки, и уселся за стол. После третьей по телу разлилось приятное тепло, мир вокруг расцвёл, деревья стали зеленее, синева неба глубже. Егор положил на тарелку шампура с румяной олениной, в ноздри ударил такой запах, что едва не захлебнулись слюной.

Когда первая партия шашлыка уютно прилегла в желудках, на освободившийся центр стола легла картонная коробка, нарисованные фломастером звёзды, пистолеты, даже автомат.

— От имени бойцов нашей доблестной заставы, скромный подарок, - сказал командир.

Степан раскрыл коробку и охнул, в руках матово чернеет бинокль, сбоку надпись «Nikon» и куча иероглифов. Именинник прильнул к окулярам, навёл на дальний угол казармы. Гигантский таракан, во весь обзор, заполз в трещину на стене.

— Десятикратный, с азотным наполнением, - сказал Цыган.

— Спасибо пацаны, теперь граница на замке, всё увидим ещё на стадии замышления.

Дальше пьянка поплыла по накатанной. Тосты полетели один за другим, короткие, без лишней лирики: за тех, кто рядом, за тех, кого уже нет, за боевое братство, за родную часть. Кто-то метнул нож в щит с нарисованной мишенью, лезвие вошло в центр, по беседке прокатился одобрительный гул. Потом затеяли шуточную борьбу, смех громче, голоса свободнее.

Глава 3

Утром Степана разбудила трель будильника, натянув штаны, подхватил остальную одежду в охапку, пробрался сквозь завесу перегара. Умывшись ледяной водой, оделся и вышел из казармы, в рассветный туман поднялся дымок сигареты.

— Что Стёп, не спится? - услышал за спиной.

На крыльцо вышел командир, в штанах, голый торс, бугры мышц перекатываются под дублёной кожей, с хрустом потянулся, подошёл к ванне с дождевой водой.

— Плесни малёхо, - сказал майор, протянул металлический ковшик.

— Да, погудели вчера, - сказал Степан, ловко отщелкнул бычок в урну.

— А ты чего поднялся так рано, я же тебе выходной дал, - сказал командир, фыркая как тюлень, когда Степан плеснул ледяной водой.

— Жалко тратить впустую, по тайге пробегусь, может найду чего. Да и хмель выйдет.

— И то дело, кстати, если лимонник попадётся, срежь немного. А то ягоды кончились, и поспеет не скоро.

— Хорошо Иваныч, я пошёл, - сказал Степан, закинул на плечо вещмешок.

В паре километров от заставы, забрался на поваленную сосну, взгляд скользнул вниз, на склон сопки. Поднял пятер-

ню к бритому затылку, раздался звук будто скоблят свиную шкуру, махнул головой, со лба и носа сорвались капли пота. Вдохнул чистейший воздух, густо приправленный хвойными нотками. До вершины топать и топать, чего понесла нелёгкая, уже не сказал бы. Вроде потянуло что-то, едва подошёл к подножию.

Издали сопка кажется вполне обычной, если бы не вершина, словно срезанная гигантским ножом. Странно что раньше не замечал, хотя все окрестности давно обследованы. Спрыгнув с поваленного дерева, снял камуфляжную куртку, пропитанную потом, обвязал рукава вокруг пояса.

Снял футболку, скрутил в жгут, на землю хлынул целый водопад, влажная ткань коснулась тела, поёжился. Под ногами хрустнула ветка, увернулся от колючей палки элеутерококка и замер. Перед глазами, буквально в метре, на ветке сидит бурундук, глазки-бусинки внимательно рассматривают человека.

Бурундук резко свистнул так, что Степан присел, затем зверёк застрекотал что-то, мелькнула полосатая спинка, уже со следующего дерева грызун оглянулся, снова застрекотал, словно приглашая за собой. Степан двинулся вперёд, раздвигая кусты руками. Когда ощутил, что всё, больше не сделать ни шагу, упал на ковёр из хвои, поднял взгляд и стиснув зубы, на карачках преодолел последние метры. Сразу забылась усталость и пройденный путь.

Открывшаяся картина захватила дух, протёр кулаками

глаза. Всё плато покрывает невысокая, ярко-зелёная трава, в центре гигантской площадки, ровной как футбольное поле, странное сооружение из камня, похожее на жилище эскимосов, в середине темнеет круглая дырка. Бурундучок свистнул и прыжками понёсся к серой глыбе.

Степан заставил себя передвигать уставшие ноги, обтирая запylённые берцы о траву. Какая-то странность не даёт покоя, остановился у каменной стенки, когда дошло что не слышно ни звука. Заглянул в отверстие, размером с канализационный люк, в ноздри вторгся странный запах.

— Эй, есть тут кто?

Выпрямился, пошарив взглядом по сторонам, пошёл к краю, минуты через две нашёл смоляной пень, штык-нож с звонким хрустом врубился в блестящую древесину, откололась длинная щепка. Выломал ещё несколько, смола мстительно испачкала руки, вернулся к дольмену. На конце деревяшки заплесал огонёк, Степан залез внутрь.

Пропитанная смолой щепка ярко разгорелась, мрак отодвинулся к стенам. В середине, на утоптанном полу, круг из камней, остатки костра в центре. Степан положил горящую щепку на холодные угли, сверху пристроил охапку. Пламя осветило закопчённые стены, рисунки в виде кругов с пятиконечными звёздами внутри, непонятные значки, странные буквы.

Легкое шуршание в тёмном углу, Степан оглянулся и едва не наложил в камуфляжные штаны. Огненные сполохи ме-

чутся по согбенной фигуре в чёрном балахоне. Под капюшо-
ном - темнота.

Глава 4

— Что, внучок, испужался? – зашелестел голос.

Слова застряли где-то в районе груди, ноги ослабли. Не сводя глаз, сполз на утоптаный пол. Фигура придвинулась к огню, капюшон упал на худые плечи. Старик, древний как сама тайга, лицо – череп, туго обтянутый кожей. А глаза поразили больше всего. Радужная оболочка и зрачок одним цветом, ярко зелёные, будто светятся изнутри.

— Ну здравствуй, внук, свиделись наконец, - прошептал старик, опустился на пол.

— Ах-рх-грх, - прочистил горло Степан, испуг скрылся как суслик в норке, захватило любопытство. - А откуда знаете моё имя?

— Я многое знаю, внучок, твоего отца как звали?

— Елизар.

— Амулет с тобой?

— Откуда вы знаете?

— Мой амулет-то, я его сыну отдал, Елизару, наказал сыну отдать, дабы я мог внука увидеть.

— Как так?

— Когда ты соединил части, я ощутил импульс и притянул тебя.

Степан завис, в мыслях появилась пустота, нарастает чувство, будто вернулся домой, на душе легко и спокойно.

— Да, Стёпушка, я твой дед. Демьяном звали когда-то, а родился в Китеж-граде славном.

— Вот это да. Я в книгах читал, Китеж-град ушёл под воду ещё при татаро-монгольском иге, - сказал Степан, глаза как прожекторы, стоящие на крыше пограничной заставы.

— Великий Китеж поднимается раз в сто лет! В последний раз мать мальчишкой посадила в лодочку. Великий князь посмотрел мне в глаза, узрел что-то и отправил в мир, на искуc. Рёк, что могу дело великое сотворить, ежели со-владаю с пороками. - еле слышно сказал старик.

— С пороком и на дело великое?

— Не тот свят, кто греха не знал, а тот, кто грех познал и отверг.

— А как вы здесь-то оказались, на Дальнем востоке?

— Много я по земле русской помыкался, старался людям помогать, мудрости земной набирался, много повидал. Много зла вокруг, люди идут за пастырем, как овцы за пастухом. А вот, с пастырями нынче беда.

— Это точно, зла вокруг, как у собаки блох, - задумчиво сказал Степан.

— За мной, как за зверем охотились, в острог упрятали, но судьба сберегла. Убёг я, Стёпушка, с тех пор здесь пристанище моё последнее.

— Вот это да! У меня есть дед, - сказал Степан, позабывший обо всём на свете.

— И я рад, всё сложилось, теперича всё пойдёт иначе, для

тебя и для меня.

— Слушай, ты один и живёшь здесь всё время?

— Да, Стёпа, ждал тебя.

— Дождался, так и останешься?

— Нет, ожидание кончилось, теперь будем действовать.

— Отлично, я кстати, скоро на дембель, поедешь к нам с мамой?

— И да, и нет. - прошептал старик.

— Как так?

— Слушай внимательно, по приезду домой, добудь яйцо куриное. Птицу чёрную надоть. Добавь семени своего. Найди навоза кучу малую, да схорони яйцо на десять вершков. Семь дней обожди, и достань искру жизни. И не забывай, как достанешь птенца, дай семь капель крови с перста своего. И помни, ежели кто прознает, не миновать беды.

— А зачем это, - изумлённо сказал Степан.

— Всё узнаешь со временем, главное, сделай в точности и колесо судьбы повернётся в нужную сторону.

— А ты?

— Обо мне не беспокойся, как птенец получит кровь, сам всё увидишь.

Старик извлёк из складок балахона скрученный пергамент и гусиное перо. Степан взял пергамент, тот оказался неожиданно тяжёлым, шелест, словно кто-то шепчет заклинание. Вгляделся в непонятные буквы, больше похожие на следы коготков.

— Что за каракули?

— Это знаки древние, сила в них великая. А сказано здесь что согласен ты принять наследие.

— А что за наследие-то. И чем подписать?

— Это, можно сказать моё завещание. Держи перо, надо крови малёхо.

Степан взял перо, в раздумье посмотрел на пергамент. Старик придвинулся, взял за руку с пером, поднёс остриё к большому пальцу на другой руке. С неожиданной силой дёрнул вниз, Степан зашипел, на подушечке пальца выступила багровая капля.

Макнув кончик пера в каплю крови, поднёс перо к свитку, показалось будто пергамент сам втянул кровь, и бесформенное сначала пятно сложилось в слово. Словно во сне, протянул свиток деду.

— Вот и хорошо, Стёпа, тело схорони здесь. Подошёл срок и мне перейти в новое качество. Кости мои не отдай зверью на растерзание.

— погоди, ты умирать собрался?

— Тело держится из последних сил, - еле слышно прошепелестел голос.

— Дед..., - прошептал Степан с тоской в глазах.

— Дай руку...

Старик прикоснулся высохшей ладошкой, словно птичьей лапкой к ладони Степана.

— Et verbum caro factum est..., - зашелестел утихающий

ГОЛОС.

— А как же..., - сказал Степан, сквозь пелену в глазах увидел как дед обмяк.

Яркая вспышка пронеслась в голове, окружающий мир на минуту исчез в темноте. Вскоре глаза стали различать предметы, Степан поморгал, потряс головой. Осмотревшись, нашёл лопату под стеной, выбрался из дольмена, яркое летнее солнце заставило прищуриться, снова слышна тайга, чирикание птиц, жужжание насекомых.

Поплевав на ладони, стал копать, через полчаса в мягкой, словно недавно паханной земле появилась приличная яма. Подтащил невесомое тело к могиле, достал сигареты, в вечернее небо поднялась тонкая струйка дыма.

Через пару минут бычок полетел в траву, и Степан заботал лопатой, скоро возле дольмена вырос холмик свежескопанной земли. Крест из оструганных веток получился не очень, но за неимением лучшего, вкопал в изголовье. В глазах появилась пелена, словно кто-то бросил горсть пыли, лопата полетела на землю, принялся тереть глаза. Когда зрение прояснилось, взглянул на могилу и остолбенел.

Вместо креста - молодая берёзка, нежно шелестят зелёные листочки, прямо на глазах свежескопанная земля вспенилась зеленоватым пушком и через пару минут могильный холмик покрылся густой, ярко-зелёной травой.

Степан хихикнул...

Глава 5

Скурив пару сигарет кряду, огляделся, больше всего окрестности напоминают английский газон, травка мелкая, будто подстрижена. Не торопясь обошёл дольмен, по привычке глядя на землю.

— Пенёк-котелок, ни хрена себе! – прошептал Степан, упал на колени.

Возле ног гроздь красных ягодок на длинном стебельке, вещмешок упал на траву, достал нож, заострённую палочку и приступил к деликатному процессу выкапывания корня. Через пару часов бережно извлёк полностью освобождённый корень, положил на траву и восхищённо причмокнул.

— Грамм на двести потянет.

Втягивая ароматный дым китайской сигареты, обложил корень мхом, сунул в пакет и осторожно уложил в вещмешок. Собрал инструменты, обратный путь теперь кажется отличной прогулкой. Предстояло спуститься с сопки и пройдя по распадку пару километров, подняться на вершину, где уже и застава.

Степан спустился по склону, вскоре послышались странные звуки, осторожно двинулся в сторону источника. Пробрался сквозь густые заросли лимонника и всматриваясь в таёжную зелень, продвинулся вперёд.

Сквозь кусты видно, как двое человек в камуфляжных ко-

стюмах типа «Тайга-2», возятся возле мощных квадроциклов «Гризли», пакуют какие-то мешки, пакеты. Разглядел у одного в руках винтовку с оптическим прицелом.

Взвесив шансы сообщить на заставу и задержать браконьеров, махнул рукой. Одному рвануться в бой не вариант, Степан уже было повернулся, собираясь продолжить путь, как вдруг послышался шум.

К браконьерам выходят знакомые лица, Цыган, с «калашом» наперевес. Яша, настороженно подбирающийся сбоку и Кирилл, замерший позади Цыгана. Степан уже было шагнул вперёд, тут ситуация в корне изменилась.

Грохотнули выстрелы, Кирилл завалился вбок, Цыган плашмя рухнул вперёд с удивлённым видом, короткая очередь из «калаша» срубила браконьеров. Третий, до этого не видимый, и поэтому сумевший выстрелить в погранцов, вышел из-за толстого кедра, держа на прицеле пистолета Яшу, тот уже поднял руки вверх.

Степан, прячась за кустами, почти подобрался, осталось метров пять. Крикнув что-то невнятное, метнул нож, по рукоять вошедший в ключицу стрелка, хлопнул выстрел. Уловил как Яша метнулся вперёд, острая боль в виске разорвала сознание в клочья...

Белый потолок. Тяжёлый запах лекарств. Степан поднял голову. Больничная палата, люди на койках, кто лежит, кто сидит. Белеют забинтованные конечности. Попробовал встать, голову разрядом рванула боль.

— Ишь, какой приткий, ну-ка лежи, приказа вставать не было, - сказала миловидная девушка в белом халате, подошла к Степану.

Степан всмотрелся в симпатичное личико:

— Девушка, а как вас зовут?

— Алиса.

— Потрясающее имя. Можно вас пригласить на свидание?

Смех колокольчиками зазвенел в палате:

— Какое свидание, терминатор. Лежи, выздоравливай, там видно будет.

Степан, закрыв глаза, навалилась непроходимая дрёма...

Перекошенное в ярости лицо браконьера, Цыган, падающий на землю. В руку вцепилась, похожая на птичью, лапка...

С криком очнулся. На краю кровати, майор Мирошниченко, командир заставы. Степан попытался встать, тупая боль в голове отрезвила.

— Лежи, лежи герой, выздоравливай, - сказал майор, придержал за плечи.

— Здравия желаю, Иваныч, там это, Цыгана подстрелили, Кирилла...

— Я в курсе, Яша рассказал, что знал. Парни на обходе были, когда услышали выстрелы, побежали туда, увидели браконьеров, решили брать. Дело-то в принципе несложное, поэтому и расслабились, а не стоило. Эти ребята полосатого завалили, а за тигра сам понимаешь, срок немаленький. По-

этому и рискнули отбиться. Ты там как оказался?

— Да я неподалёку был, правда выстрелов не слышал, шёл к заставе уже, услышал шум, подкрался. Двоих видел в летних камуфляжах, квадроциклы. Думал, всё равно их не взять, тут ребята появились, я решил, что всё нормуль сложилось, пошёл к ним было, тут выстрелы. Как там Цыган, Кирилл, я видел, как они упали?

— Они уже на небесах, Стёпа, - сказал командир, опустил голову.

— Как же так, Иваныч, Цыган же хотел на контракт остаться, - сказал Степан, в глазах застыли слёзы.

— Самому херово, мне бы в руки того, стрелявшего, - тихо сказал майор, хрустнули суставы в сжатых кулаках.

— Вот ублюдки, - прошептал Степан.

— Кстати, а где ты был целые сутки?

— Сутки? Не, я же утром ушёл. Нашёл корень путёвый, грамм на двести. Пока выкопал, прошло часа три, двинул обратно, ну и по пути сами знаете.

— Странно, с того момента как ты ушёл, прошли сутки.

— Как же так... - начал Степан, тёмная пелена заволокла сознание...

Глава 6

Степан открыл глаза, огляделся. Кругом степь, лишь неподалёку, как прыщ на лбу, покосившаяся изба. Вопли на всю округу.

— Что ж вы ироды делаете-то, последнюю кормилицу забираете, - заголосила потрепанная баба, держась за хвост тощей коровы.

— Отойди малахольная, - завизжал оборванный мужичонка в будёновке, потащил корову за рога.

Неподалёку суровый тип в кожаном пиджаке, поигрывает наганом. Рядом солдат с винтовкой со скучающим видом смолит сигарку. Возле избы мальчонка лет пяти, в половинке мешка вместо рубахи, закусил губу. Рядом старший брат в таком же рубище.

— Для народа ж берём, ить не разумеешь? – заорал мужичонка, бросил верёвку и принялся отцеплять бабьи руки от куцего хвостика.

— А я кто? Не народ, поди? – взревела баба, отпустила хвост.

От могучего толчка мужичонка полетел кубарем, будёновка отлетела в сторону.

— Вот что женищина, корову изымает власть. На нужды революции. Мы вам выпишем ордер, потом будет вам корова, когда революция победит, - сурово сказал кожаный.

— *Эт когда мы с голоду сдохнем, да?* - сказала баба, уперла руки в бока.

— *Да к чёрту,* - буркнул солдат, подошёл ближе.

Штык воткнулся под мощную бабью грудь, как вилы в охапку сена.

— *Ой лишенько,* - тихо охнула баба, осела рядом с коро-
вой.

*Кровь, фонтаном плеснула на могучее тело, рваная руба-
ха потемнела, налилась густым багровым цветом.*

— *Мамка,* - крикнул младший, бросился к солдату.

*Мощный удар приклада в голову отбросил мальчика на па-
ру шагов. Штык с хрустом врубился в детскую грудь, ло-
мая тонкие рёбра. Старший сорвался с места, понёсся к ле-
су будто стараясь перегнать смерть. Степан с изумлени-
ем заметил глаза мальчишки. Как светящиеся изумруды. И
ещё волосы, яркие как огонь.*

Солдат вскинул винтовку.

— *Ладно, оставь, всё равно сдохнет,* - сказал кожанный, и
повернулся к мужичонке в будёновке, - *Прошка, веди корову...*

Майор, сгорбившись, спустился с лестницы, прозрачные
двери словно сами распахнулись, таёжный воздух ворвался
в лёгкие, в голове зашумело. На крыльце, под внушительной
табличкой на стене «Госпиталь № ...», пожилой врач в белом
халате затянулся напоследок, бычок полетел в урну.

— *Здравия желаю, Олег Иванович.*

— Здравствуйте Пётр Алексеевич, ну как Потёмкин, выздоравливает?

Врач вскинул вверх указательный палец:

— О, хорошо, что напомнили. Всё хотел спросить, скажите, у вас что, какие-то новейшие разработки внедрили?

— Какие разработки?

Врач взял под локоток и повёл по дорожке вдоль здания госпиталя:

— Я конечно понимаю, военная тайна и всё такое, но согласитесь, такие вещи нас должны касаться в первую очередь.

Командир остановился:

— Не понимаю, о чём вы.

— Скажите, Потёмкин особенный, или все ваши бойцы такие?

— У нас все бойцы хорошие, не скажу, что Степан чем-то выделяется.

Пётр Алексеевич задумчиво потеревил веточку молодой пихты, нависающую над дорожкой:

— Вот я и думаю, у вас внедрили что-то, нам неизвестное. Понимаете, позавчера, когда привезли Потёмкина, у него в голове была вот такая дырка. Вкололи обезболивающее, перед операцией решили сделать рентген, для полноты картины.

— Ну и как?

— Необходимость операции отпала. Снимок показал аб-

солютно целые кости. Мягкие ткани сильно опухли, не более того. А сегодня утром осмотр, на коже ни малейшей царапины. А ведь я лично видел развороченную рану. Вы можете это объяснить?

Майор покачал головой:

— Сам ничего не понимаю, Степан на сутки пропал в тайге, а говорит, несколько часов. Может в тайге произошло что-то?

Врач задумался, снова достал сигареты, к безоблачному небу поднялся ароматный дымок, прислушался, как над клумбами гудят тяжёлые пчёлы, над раскалённым от летнего солнца, асфальтом, дрожит воздух. Вдруг лицо просветлело:

— Знаете, когда Потёмкина привезли, я заметил на руке часы, командирские.

— А причём здесь часы?

Пётр Алексеевич в нетерпении затаился, бычок описал красивую дугу и исчез в урне, врач направился к входу.

— Часы командирские, не только время показывают, но и дату, понимаете?

На лице майора мелькнула догадка:

— Точно, где сейчас эти часы?

— Вместе с одеждой, в кладовке.

Командир заставы, еле поспевая за врачом, вбежал в двери, свернули в коридор налево, и доктор дёрнул ручку двери. В ноздри ломанулся складской запах одежды, врач крикнул вглубь:

— Эй, Петровна, ты где?

Из-за стеллажей зашуршало, на свет выкатилась бабулька в белом халате. Небольшого роста, вылитый колобок. Удивительно ловко проскользнула к врачу.

— Чего шумишь, Ляксеич, чай не глухая.

— Где вещи Потёмкина Степана? Позавчера привезли.

— Сей момент, - бабулька укатилась за стеллаж, через минуту вынырнула с пакетом.

Врач вывалил на стол смятый камуфляж, блеснул циферблат часов, взгляд впился в кружок с цифрами. Майор перегнулся через плечо Петра Алексеевича.

— Вот какая штука, однако, - прошептал врач.

С цифрами не поспоришь, секундная стрелка исправно движется, а дата отстаёт на сутки.

Глава 7

Ранним августовским утром рейсовый автобус скрипнул тормозами на безлюдной остановке. С шипением сложилась задняя дверь, на асфальт шагнул крепкий парень, камуфляж будто влитой. С рёвом голодного тигра автобус исчез за домом.

Пареньёк вдохнул свежий воздух, вещмешок за спину, достал сигареты и прихрамывая, неспешно зашёл за остановку. Озадаченно встал перед круглым павильоном, на фасаде жёлто-зелёная вывеска «СОТИК».

Год назад, от остановки и дальше, меж серых пятиэтажек, вилась узкая тропинка среди зарослей полыни. Теперь местность кардинально изменилась. За «СОТИКОМ» ярко оранжевые лавочки, между ними журчит небольшой фонтанчик с двух сторон разноцветные, пахучие клумбы.

Над сопкой игриво показался край солнца, окрасив небо в розовый цвет. Расчирикались воробьи, дербаня засохший кусок хлеба на дороге. Парень подошёл к родной пятиэтажке. У подъезда на лавочке, дышит утренней свежестью сосед по балкону, аккуратный благообразный старичок.

— Здравствуйте, Прохор Иваныч, как ваше ничего?

— Отлично Стёпа, отлично, ты на побывку али как?

— Всё, отдал долг Родине полностью.

— Молодец, мать-то заждалась. Всё говорит, вот Стёпа

приедет, тогда заживём.

Степан улыбнулся:

— Ну вот я и приехал. Пойду, обрадую, соскучился страшно.

— Давай, давай, боец.

— До свидания, Прохор Иванович.

Степан зашёл в прохладу подъезда. Знакомые надписи на стенах «Валя плюс Саня», «Вавило - ...дило». Запах мочи едва не сшиб с ног. Поднялся на этаж, родная дверь, обитая чёрным дерматином, облупленный номерок с цифрой четыре. Мягко утопил кнопку звонка.

За дверью шаркающие шаги, скрежетнул ключ в замке. Дверь открылась, на пороге мать, вытирает руки о фартук. Лица прорезали счастливые улыбки. Шагнув в прихожую, Степан стиснул в объятьях, на щеках пролегли мокрые дорожки. Постояв так с минуту, вытерли счастливые слёзы.

— Вот и дома мой сокол. Почему не предупредил, сынок, я бы приготовила что-нибудь вкусное.

— Да ладно мам, всё это мелочи, главное, армия кончилась, - сказал Степан, берцы плюхнулись в угол прихожей.

Пройдя на кухню, удовлетворённо осмотрелся. Тарахтит старенький холодильник «Океан». Обшарпанный стол, табуретки, застиранные занавески. До армии домашняя обстановка вызывала тоску, но сейчас радость от возвращения перевесила всё.

Степан поскрёб в затылке:

— Мам, пойду я ополоснусь с дороги, пропылился насквозь.

— Конечно сынок, я на кухню.

Пока Степан принимал ванну, мать поджарила картошки. Увидев мощный торс выходящего из ванной сына, заметила.

— Возмужал-то как. Прямо терминатор.

— Мам, какой из меня терминатор.

— Ну хорошо, вылитый мачо.

— Ладно, мачо так мачо, главное, что не чмо.

На сковороде, золотистые ломтики источают такой запах, что слюни капаят на грудь.

— Сынок, больше нечем порадовать. От пенсии сто рублей осталось.

Вечером соседка с дачи придёт, перезайму.

— Погоди мам, - сказал Степан, принёс вещмешок.

На стол лёг газетный свёрток с блок сигарет. Зашуршала бумага, зазеленел ряд перетянутых резинкой пачек.

— Господи, сынок, откуда?

— В армии подрабатывал в свободное время, не боись мам, не украл.

— Неужели в армии столько заработать можно?

— Мы же в тайге, женшень часто попадается, вот и наладили бизнес.

— Вот шустрые, а я уже занимаю от пенсии к пенсии. Кое-как хватает за квартиру заплатить, на еду немного остаётся.

— Мам, не переживай, на работу устроюсь, всё наладится.

— Ты уж не расстраивай меня сынок, не лезь в криминал.

— Конечно, мамуль, тратить годы и здоровье в лагерях, это не моё. Погоди, в магазин сбегая, отметим как следует, праздник всё-таки.

Через полчаса Степан, гордо отдуваясь, занёс на кухню два полных пакета. На столе сверкнула пробкой бутылка шампанского, раскинул багровые клешни шипастый камчатский краб. Копчёная нерка, с крокодила размером, подмигнула тусклым глазом. Масляно блеснула в ведёрке красная икра. Развернул свёрток из фольги, мощный запах шашлыка на полную врубил слюнные железы. Бахнула в потолок пробка, вино в бокалах празднично вспенилось.

— Давай, мам, за наше светлое будущее.

— Ой сына, дай-то бог.

— Будет, мамулик, куды оно денется. Мы рождены, чтоб сказку сделать былью. Кстати, ты знаешь, кого я встретил в тайге?

— Откуда же я знаю.

— Деда. Своего, причём.

— Деда? - прошептала мать, едва не свалилась с табуретки.

— Точно, правда он умер быстро, не успел расспросить.

— Интересно девки плачут, отец твой ничего не говорил. Да он вообще мало что говорил.

— Мам, а Расскажи, что помнишь про отца, - сказал Степан, наполнил бокалы.

— Да что рассказывать, шла как-то с работы, мы тогда с Верой, соседкой нашей, в школе работали, техничками. Подвернула ногу, сижу на лавочке, плачу, каблук сломался, нога болит. Тут мужчина подходит, спрашивает, чем помочь, мол.

— А ты его знала, до этого?

— Нет, первый раз тогда увидела. Он меня на руки, так и донёс до квартиры, почти через весь посёлок, без отдыха. На диван положил, за ступню взялся, дёрнул как-то. Полежи, говорит, я пока на стол накрою.

— Ничего себе, а нога что?

— Боль прошла минут через десять, захожу на кухню, а там уже и стол накрыт. А там и икра красная, и сервелат сырокопчёный, и кета солёная. Коньяк какой-то нерусский. Где взял, я так и не поняла, у меня в холодильнике отродясь таких деликатесов не водилось.

— Надо было спросить, где взял.

— Спросила. Не бери, говорит, в голову, мол, с собой принёс. Давай лучше исцеление твоё, Оленька, отметим. Ну и отметили. А утром проснулась, он сидит в кресле, на меня смотрит так нежно.

— Он у тебя на ночь остался?

— Да. Спрашиваю, может что не так. Всё хорошо, говорит, когда сын родится, назови Степаном и даёт эту штуку. - сказала мать, показывая на амулет. - Одну половину пусть носит всегда, а вторую отдашь, когда двадцать лет исполнится. Только обязательно перед днём рождения отдай, говорит.

— Вот это да, а знаешь, мам, когда я поднёс вторую половинку к первой, они воедино слились, и в глазах потемнело. А что дальше-то отец сказал?

— Вряд ли свидимся, говорит, а если жив будет, то навестит обязательно, в руку мешочек сунул, на воспитание, говорит. А в дверях протянул мне ландыши, будто только сорванные, на дворе январь месяц, а тут ландыши.

— Обалдеть, это те, сухие, что на подоконнике?

— Да, с того времени и стоят, взгляну на них порой и вспоминаю его.

— А в мешочке что было?

— Кусочки золота. Я берегла, когда совсем тяжело было, продавала помаленьку. Ты уже в седьмой класс пошёл, когда последний кусочек продала.

— И что, больше отец так и не появился?

— Нет, я думаю, если бы мог, пришёл. Он со мной ласковый был, внимательный, я только о нём думала, так замуж и не пошла. Знаешь, я потом вспоминала, и вот какая штука. Когда он меня нёс домой, в руках у него ничего не было, и своё имя я не говорила.

— Да, странно. Жаль, я его так и не увидел ни разу, и дед умер быстро, ничего не успел сказать.

— Расскажи про деда-то, как ты его встретил?

— Да как, пошёл в тайгу корень искать, забрался на сопку, а там дольмен стоит. Я внутрь залез, а там он. Старый очень, даже не знаю, сколько лет, а глаза-то, зелёным светятся. Про

медальон сказал, мол сыну Елизару, в своё время отдал, для внука.

— Что-то они, что отец твой, что дед, только появились в нашей жизни, тут же и пропали, - грустно сказала мать.

— И не говори. Потом похоронил там же, по его просьбе, неподалёку корень нашёл большой, а когда возвращался на заставу, на браконьеров наткнулся. И бойцы наши хотели взять их, да не вышло, двоих наших убили, меня ранили. Оказывается, тигра подстрелили, а там срок большой бы дали.

— Какой ужас, что с людьми делается-то, - сказала мать, всплеснула руками.

— Да, мама, человек человеку враг. Рана у меня зажила быстро, а провалялся в госпитале месяц, всё какие-то анализы брали. Врачи говорили, что вирус какой-то подхватил, типа надо изучить. Еле на дембель вырвался.

— Ну, слава богу, жив-здоров.

— Не переживай, мам, скоро всё на лад пойдёт, - сказал Степан, выглянул в окно. - Ого, уже вечер подкрался.

— Молодец ты у меня, - сказала мать, смахнула невольную слезу.

— У лучшей матери и сын должен соответствовать. Мам, ты приberi деньги, завтра купим тебе хороших лекарств, и отдохнуть тебе надо. Поедешь в санаторий, здоровье поправишь.

— Ой, сынок, - у матери перехватило горло, в уголках глаз

сверкнули слёзы.

— Мам, кстати, Пашка в посёлке?

— Да, вчера только видела, на белой машине ездит.

— Какой машине?

— Не знаю, нерусская какая-то.

— Понятно, буржуй ещё тот. Мам, схожу, Пашку прово-
даю, а то уже забыл, как друг выглядит. Если ночевать не
приду, не переживай, встречу обмоем, то да сё, сама пони-
маешь.

— Ладно, сынок, Пашка хороший, всегда первый здоро-
вается, - сказала мать, проводила до двери.

Глава 8

Степан влез в спортивный костюм, на голову бейсболку, обул кроссовки, чмокнул в щёку мать. Выйдя из подъезда, закурил и присел на лавочку. Небо налилось густой синевой, кое где сверкают первые звёзды, вдохнул прохладный воздух.

Пашка Слонов – школьный товарищ, жил в доме напротив, кличка под стать размеру и фамилии. Бычок, рассыпая искры, полетел в кусты, поднялся, потирая руки.

Зашёл в подъезд и нос к носу столкнулся с девушкой. Подняв глаза, обалдел, чёрные зрачки как дуло пистолета. Да и вся девушка, что кусок ночи, волосы, одежда, всё чёрного цвета. Красивое, по-восточному лицо, губы как пунцовый бутончик розы.

— Извини, - сказал Степан, не отрывая взгляд от незнакомки.

— Да ладно, ничего страшного, - ответила девушка, опустив взгляд прошла мимо.

Степан ещё с минуту постоял, глядя вслед. Медленно поднялся на третий этаж, палец ткнулся в кнопку звонка, за металлической дверью запиликало. Раздались тяжёлые шаги, лязгнул засов. На пороге, в домашнем халате, возникла Пашкина туша.

— Какие люди в Голливуде, - раздался рёв на весь подъ-

езд, ладошка размером с лопату для уборки снега сжала ладонь Степана.

— Здорово Паха, я тоже рад тебя видеть.

— Ну, как ты, старик, когда приехал?

— Утром, так и будем на пороге от засухи помирать?

— Так ёптыть, заходи скорей, что-то я совсем. Наверное, от радости.

Кроссовки нахохлились у двери, Степан двинулся за Пашкой на кухню. Здоровяк замурлыкал заклинание в виде популярной песенки, на столе появились розово-белые тушки очищенных креветок, кусок копчёной шейки, банка корнишонов, и пара хрустальных стопок. Вершиной сервировки явилась, покрытая инеем, бутылка водки. С ловкостью китайского повара Пашка нарезал мясо, затрещала скручиваемая пробка.

— За возвращение блудного сына! – провозгласил Пашка, поднимая стопку.

— Аминь.

— Как там, в армии-то? - спросил Пашка, запихнул в рот кусок мяса размером с пеноблок.

— Да как обычно, стреляют-убивают. А вы тут без меня чего?

— Пьянствуем, деградируем. Сам же знаешь, заняться нечем, сплошные куражи-миражи. Ты вот чем собираешься заняться?

— Да хрен знает, на работу надо бы устроиться, а там вид-

но будет. Маме пенсии еле хватает.

Опрокинув ещё по паре стопок, минут через десять вышли на балкон покурить. Степан осмотрел двор в безрезультатной попытке увидеть недавнее видение.

— Паха, что это за девчонка в твой подъезд ходит, вся в чёрном?

— А, это Наташка Озерцова, надо мной живёт. Странная она какая-то, да и семейка у них, оторви и выбрось.

— Ну-ка расскажи, что там за семейка, - спросил Степан.

— Мамаша с папашей лет пять назад связались с какой-то сектой. Потом у обоих башню оторвало. Мамаша повесилась два года назад при довольно мутных обстоятельствах. Говорят, супруг помог, но так ничего и не доказали.

— А с Наташей что?

— Ну что, живут вот с отцом. Как-то вытащил её на балкон и орал на весь двор, что вырастил ангела. А сам по ходу пи...т почём зря. Иной раз курю на балконе и слышно крики сдавленные. Девчонка красивая, только ходит во всём чёрном, и от парней шарахается. Многие пытались познакомиться, убегает и всё тут.

— А сколько лет-то ей?

— Только школу закончила, я её с бандой выпускниц видел в начале лета, значит шестнадцать есть.

— Красивая, я бы, чего греха таить, познакомился как можно ближе.

— Ну-ну, как говорится, флаг вам в руки товарищ Потём-

кин. Я же говорю, убегает от всех, на таких машинах подка-
тывали, что любая почтёт за счастье.

— Значит не в машинах дело, Паха, может другой подход
нужен. Ну да ладно, пойдём-ка ещё намахнём...

*Степан открыл глаза. Вокруг, по всей видимости, цер-
ковь. Великолепный алтарь, расписной потолок теряется в
высоте, цветные витражи на окнах.*

— Почём опиум для народа, отец? – хмуро буркнул мрач-
ный тип в галифе, кожаной тужурке и такой же кожаной
кепке с красной звездой.

*Батюшка молится, стоя на коленях перед иконой. Колеб-
лющееся пламя тонкой свечи освещает мудрый лик. Степан
заметил, как за алтарь метнулся молодой монах в чёрной
рясе.*

— Что вам надобно, православные, - густым басом во-
просил батюшка.

*Пяток солдат, винтовки наперевес, во главе с кожаным
сгрудились над святым отцом, всё также стоящем на ко-
ленях, только смиренный взгляд устремлён на неожиданных
гостей.*

— Вышла ваша власть, поп, - тьякнул плюгавый солда-
тишко, утопая в шинельке не по размеру.

— Не ты ли это, Савросий? – взглядевшись, изрёк батюш-
ка. – Ты же во хмелю, приходил намерении к церкви побираться,
а?

— Узнал-таки, церковное отродье, вот и сквитаемся, как ты брезговал грошика мне подать, - тявкнул плюгавый.

— Ты же на сивуху тратил грошики, али нет?

— Не твоё поповское дело, куда я грошики тратил, - озлобился плюгавый.

Громко треснул выстрел, эхо метнулось под купол. Молодой монах боязливо выглянул из угла. Степан заметил рыжие как огонь пряди волос из-под капюшона. Батюшка завалился набок, на полу быстро ширится кровавая лужа.

— Что же вы делаете, люди? – еле слышно спросил батюшка, тускнеющий взгляд остановился. Солдаты разбрелись по углам, в мешки полетели иконы, церковная утварь.

Степан, в углу церкви, глаза как блюдца, солдаты тащат мешки с награбленным, по пути поджигают все, что горит.

— Ну вот, святой отец, теперь лично с господом поговоришь. Нас благодари, - хохотнул кожанный, последним вышел из церкви. Пламя охватило алтарь.

— Батюшка, - метнулась тень к неподвижному телу перед алтарём. Взгляд необычных, ярко-зелёных глаз сверкнул ненавистью вслед вандалам...

Глава 9

Степан проснулся, задыхаясь, тело холодное и влажное как у лягушки. Шевельнул головой, окружающий мир треснул. Зажмурился, осторожно приоткрыв глаз, разглядел обстановку Пашкиной квартиры. Вдруг вспомнились события в пещере и глаза деда.

«По приезду в слободку свою, сыщи яйцо куриное. Птицу чёрную надо..., не мешкай, внук» - отчётливо раздалось в голове.

Степан сел, и сразу вцепился в диван под собой. Подождал, пока утихнет карусель вокруг, с кухни донёсся хруст, ноздри затрепетали от мощного запаха свежего пива. Шатаюсь, словно турист на палубе корабля в открытом море, добрался до ванной, струя холодной воды освежила, зашёл на кухню.

— Привет алконафтам, - рявкнул Пашка, в руках здоровенная вяленая камбала, размером с ковёр. На столе красуется пятилитровый бочонок японского пива.

— Доброе утро, дружище, ты уже с пива начал?

— Так с утра, самый кайф, присаживайся к нашему до-стархану.

Пашка отложил камбалу, наполнил кружку холодным пивом. Степан макнул губы в ароматную пену, кружка стремительно опустела:

— Вещь, - выдохнул Степан, присел на стул.

Друг протянул очищенный кусок рыбы. Степан довольно мурлыкнул словно огромный кот, надыбавший рыбный склад, мигом сжевал пахучий ломоть.

— Пойдём, что ль, покурим, - сказал Пашка, увлёк на балкон.

— Ага, слушай, вроде похорошело, - сказал Степан, вдохнул свежий утренний воздух.

— И такая дребедень - каждый день.

Степан глянул на свой балкон, на соседнем, Прохор Иванович подставил утреннему солнышку морщинистое лицо, блаженно жмурится. Вдруг вспомнилось, у соседа есть дочь, живёт в частном доме.

— Ладно, друг, давай ещё по кружке, да пойду отсыпаться, мать опять же переживает, - сказал Степан, затушил в пепельнице окурок.

— Тоже верно, мне самому что-то надоело, лягу спать. Ты потом надолго не пропадай.

— Лады.

Дома первым делом залез под прохладные струи душа, смывая всю эту хмельную муть. Потом, в трусах и с полотенцем на плечах, прошлёпал на кухню. На столе записка: мать ушла на рынок. В квартире уютная тишина, только с улицы доносятся звуки просыпающегося двора. Быстро поджарил яичницу, съел, почти не чувствуя вкуса, зато кофе выпил медленно, глоток за глотком, возвращая силы. Вышел с

сигаретой на балкон, перегнулся через перегородку к соседскому балкону.

— Здравствуйте Прохор Иванович, бог в помощь.

— Здравствуй Стёпа, как дома-то? - сказал сосед, отвлекаясь от подметания балкона.

— Дома всегда хорошо, как у вас дела?

— Дела отлично, приборку вот затеял. Дочь обещала навестить, так с утра блеск навожу.

— Кстати, Прохор Иванович, чего хотел спросить. А у тётъ Марины куры есть?

— Десятка два наберётся, а зачем тебе?

— Да хотел яичек домашних прикупить, особенно от чёрных куриц, говорят полезны. Маме здоровье поправлять нужно.

— Это ты молодец, о матери всегда заботиться надо. Только вот не припомню чёрные водятся или нет. Ты же помнишь где Марина живёт, сегодня ей скажу про яички-то, а ты опосля наведайся.

— Спасибо, Прохор Иванович, буду должен. Чего помочь нужно, не стесняйтесь, говорите.

Затушив бычок в пепельнице, зашёл в квартиру, в задумчивости остановился на кухне. Пробежал взглядом вокруг и отдёргнул занавеску на окне. На подоконнике, в хрустальном стаканчике, высохшие стебельки ландыша.

«Надо же, сколько лет прошло, а мать всё хранит», с нежностью подумал Степан. Осторожно взял стаканчик, под-

нёс к губам, бережно сдул пылинки. Вдруг замер, стаканчик стукнул доньшком о стол, метнулся в прихожую, спортивный костюм облепил ещё влажную кожу, схватил кроссовки.

«Да что я за сын-то, даже цветы забыл подарить, вот олух», мысленно костеря себя, выбежал из подъезда. До цветочного павильона, в пятистах метрах от дома, домчался быстрее гепарда. Сунул продавцу пятитысячную за корзину роз и понёсся обратно, следом такой аромат, что прохожие ещё долго вертели головами, пытаясь обнаружить источник.

У подъезда мать с соседкой только присели на лавочку, рядом пакеты с продуктами.

— Мамусь, это тебе. Здравствуйте тётъ Вера, - выпалил Степан, держа перед собой корзину.

— Господи, сынок, - прошептала мать, сложив перед собой ладони, словно в молитве.

— Вот это я понимаю, сын. С большой буквы сын-то, а, Егоровна? - сказала соседка, смахнула слезу. — Здравствуй Стёпчик.

— Стёпушка, какие они красивые, а пахнут как, - сказала мать, вытерла ладонью невольные слёзы.

— Всё для тебя мамуль, только бы ты была счастлива.

— Спасибо сынок. Ладно Вера, пойду сыну что ни будь вкусное приготовлю.

Степан подхватил пакеты, поднялись в квартиру, корзина с розами украсила обшарпанный журнальный столик в зале, роскошный аромат сразу разлетелся по комнатам.

— Стёпа, - позвала мать.

Зашёл на кухню и остолбенел. На столе, в хрустальном стаканчике, источают тонкий аромат зелёные стебельки с белой россыпью цветков, словно минуту назад сорванные.

Глава 10

До армии Степан частенько ходил с матерью к Марине, дочери соседа. Та жила в частном секторе и снабжала по недоорогой цене ягодами, овощами. Частный сектор, в народе - Солнечный посёлок, начинался через дорогу от крайних пятиэтажек.

Проснувшись утром, вспомнил неясный сон, только слова до сих пор звучат в голове. «Семь дней обожди, и достань искру жизни. Дай семь капель крови с перста своего». Степан наскоро выхлебал кружку кофе, надел чёрный спортивный костюм, обул кроссовки. Промелькнули ободранные стены подъезда, утреннее солнце ласково отразилось в луже у подъезда.

По дороге привязалась настырная собачонка с котёнка размером, а гонору будто у овчарки. Семенит рядом, цокая когтями по асфальту, то забегает вперёд, преграждая путь, то ныряет под ноги. Степан едва не споткнулся, рывкнул, махая руками, собачонка обиженно тявкнула и шмыгнула под ближайший забор. Вскоре показался знакомый опрятный домик за синим забором из металлопрофиля.

Подойдя к калитке, вдавил кнопку звонка. Щёлкнул замок, появилась миловидная женщина лет тридцати. Клетчатая рубашка скрывает внушительную грудь, потёртые джинсы, уже слегка запачканы землёй, на голове выцветшая ко-

сынка небесного цвета. Улыбка осветила загорелое лицо.

— Привет солдат, проходи во двор, как на гражданке, освоился?

— Здравсьте тётъ Марина, гражданку пока не нашёл, а так нормально.

— Ну вот, совсем вырос, уже и гражданок ему подавай, – хохотнув, сказала женщина. - Ты за яичками? Отец вчера говорил о тебе.

— Да, тётъ Марина, я ещё спросить хотел, у вас куры чёрные есть?

— Есть, а зачем тебе чёрные?

— Слышал, от чёрных самые полезные, почти лечебные.

— Я что-то ничего не знаю на эту тему. Ну, посмотрим, вроде куры уже снеслись.

Во дворе жёлтый курятник, слышится кудахтанье, тётъ Марина открыла дверь, пахнуло куриным навозом. Через десять минут вышла, в руке прозрачный пакетик с десятком яиц в крапинку, в другой руке одно небольшое яйцо цвета луковой шелухи.

— Вот, это яичко, чёрная как уголь, Дуська снесла, больше нету, я ещё от остальных кур взяла немного, хоть не от чёрных, но тоже полезные.

— Спасибо, тётъ Марина, может вам помочь надо чего?

— Да вроде ничего такого, - сказала женщина, махнула рукой. - Хотя есть одно дело. Помогите замок спилить, Стёпик, ключ потерялся. Скоро осень, приедут огород пахать, а я во-

рота не смогу открыть.

— Конечно, тёть Марин, дайте только ножовку по металлу.

Взяв ножовку, Степан прошёл через двор в огород, кусты картошки нагло хлещут по коленкам. Подошёл к воротам на задах участка, оглядел ржавый замок, острые зубцы ножовки вгрызлись в дужку, через пять минут замок обречённо упал под ноги. Специфический запах нагло ворвался в ноздри, Степан выглянул за ворота, снаружи, у забора большая куча навоза, развалилась будто на курорте.

— Вот молодец, Стёпа, повесь пожалуйста, - сказала тётя Марина, протянула новый замок.

Ворота тоскливо скрипнули, петли сковала блестящая дужка. Выходя за калитку, повернулся:

— Спасибо тёть Марина за яички, если что помочь, скажите Прохору Иванычу, я приду.

— Хорошо, Стёпик, буду иметь ввиду.

Жаркое солнце напекло макушку, по пути домой, Степан толкнул стеклянную дверь магазина, запотевшая полторашка кваса словно магнитом притянула взгляд. Торопливо вручил продавщице купюру, не сходя с места отхлебнул полбутылки.

Показался ларёк «СОЮЗПЕЧАТЬ», проходя мимо, оглядел газеты и журналы за стеклом, резко остановился. С обложки красочного журнала сиястая девка в трусиках-сеточке, лукаво подмигнула. Сунул в окошко деньги, журнал под

мышку и домой.

— Вот мамуль, яички домашние, тёть Марина угостила, - сказал Степан, вручая матери пакет с яйцами.

— Спасибо ей, надо бы навестить как ни будь. А я тебе омлет приготовлю.

— Отлично, мамуль, ты лучшая, пойду пока журнал читаю.

Степан прикрыл дверь в свою комнату, в распахнутое окно ветерок пахнул горячим асфальтом. Драгоценное яйцо уютно прикорнуло в ящике письменного стола, старый диван жалобно закрипел, когда рухнул как подрубленный. Зашелестели страницы, взгляд прожигает дырки на снимках полуголых красоток.

— Дружище, налицо явный спермотоксикоз, - пробормотал Степан, поднялся, журнал обиженно замер на продавленном диване.

— Стёп, иди кушай, я к соседке схожу на часик поболтать, - позвала мать из прихожей.

— Хорошо, мамуль.

С журналом под мышкой, нашёл стеклянную баночку на кухне и закрылся в ванной. Через пять минут выбрался, лицо пышет жаром, ладонь сжимает банку, на дне с комфортом расположился миллиард потенциальных людей. Устроился у себя в комнате, за письменным столом, ножом пробил дырочку в яйце. Осторожно влил содержимое банки, заклеил кусочком пластыря.

Сунув яйцо в ящик стола, уничтожил следы преступления. Съел уже остывший омлет, зато горячим кофе обжёг язык. Залёг на диван с книгой, незаметно задремал.

Дерзкий трезвон будильника выдернул в реальность, в открытое окно смотрит любопытная луна. Степан побрёл на кухню, зажглась лампочка чайника, соорудил бутерброд с икрой.

— Сынок, ты чего не спишь? - сказала мать, вышла из своей комнаты на шум, табуретка слегка скрипнула, ласково посмотрела на сына.

— Днём подремал, думаю к Пашке сходить, всё равно не засну пока.

— Вот полуночники, чего ночью делать-то?

— В ночи своя прелесть, мам. Тебе бутерброд сделать?

— Ага, и чайку сладкого. Смотрите, не вляпайтесь куда ни будь.

— Ни за что, мамуль, я же тебе обещал.

Через полчаса Степан вышел на улицу, карман оттопыривает яйцо, в руке фонарик, глубоко вдохнул прохладный ночной воздух. Серебряный свет луны затопил дома, дорогу и всё вокруг. Знакомой дорожкой пробрался на зады участка тётъ Марины, подняв на дороге короткую палку.

Где-то вдалеке тявкнула собака, в ответ, почти рядом мяукнула кошка. Специфический запах вломился в ноздри, словно конь шибанул копытом. Степан замер, быстро обвёл взглядом окрестности, вслушиваясь в каждый шорох. Палка

вошла в рыхлую кучу легко, будто нож в мюсли, чуть повернув, расширил ямку. Сунул руку в карман, достал яйцо, горячее, словно недавно из кастрюльки.

Лезвие складного ножа ткнулось в палец, кровавые мазки на боку яйца сложились в символ, Степан поднял глаза к сияющей луне, нужные слова всплыли в голове, тихо зашептал:

— *Luna, dea noctis, semen vitae in hoc vase excita, te viro nocturno invoco.*

Показалось, яйцо в руках будто вздрогнуло, торопливо скатил в ямку, закопал, положил сверху палку. Выбрался на дорогу, оглянулся, в доме тётъ Марины безмятежно светятся окошки. В душе поселилось странное чувство - словно шагнул на узкое брёвнышко, внизу пропасть.

Глава 11

Степан чихнул, глаза открылись, в двух шагах прошёл монах, из-под босых ног взлетает дорожная пыль. Оборванная ряса посерела, монах, кажется, не замечает таких мелочей. Знакомый взгляд нефритовых глаз с тоской блуждает по заброшенным хатам. Степан осмотрелся, вокруг раскинулась безлюдная деревенька.

Тишина первозданная, ни одного звука человеческого жилья, только в насыщенной сини неба свиристит жаворонок. Монах остановился, глянул через плетень в глубину двора.

— Хоссподи исусе.... – услышал Степан бормотание.

Заглянув туда же, аж застонал от душевной боли. Молодая яблонька, кора обглодана по пояс, рядом свернулась в калачик девчушка лет восьми. Обрывки одежды висят на костях, обтянутых высохшей кожей, костлявые ладони сжимают кусок коры.

— Эй, - крикнул Степан.

Монах, перекрестился, побрёл дальше по деревенской улице. Степан догнал сгорбленную фигуру, хлопнул по плечу. Верней, попробовал, ладонь прошла сквозь тело, как пар сквозь сетку, пыль под ногами не взвивается как под ногами монаха.

Из-за следующей хаты показался дымок, монах ускорил шаги, переступил через поваленный плетень, исчез за углом

обшарпанной хатки. Степан поспешил следом, забежав за угол, застыл с открытым ртом.

Над небольшим костром, насаженная на заостренный черенок лопаты, подрумянивается костлявая нога, дымят почерневшие ногти. Худой мужик в лохмотьях, почёсывает всклокоченную бородёнку, слышно бормотание.

Безумный взгляд упёрся в окаменевшего монаха с выпученными глазами.

Рядом с мужиком, голое женское тело, вернее подобие. Страшно торчит обрубок ноги, выпирают рёбра, плоская грудь высохла, только чернота между ног выдаёт пол.

— Ты что делаешь, нехристь, - сдавленно прохрипел монах, протянул руку.

Мужик оскалил остатки зубов, тишину рванул утробный рык, в глазах - безумие. Поднялся окровавленный топор. Монах подскочил с воплем, бросился бежать...

Степан сел в кровати, лучи восходящего солнца, сквозь тюль, образовали причудливую картину на стене. Сон ещё перед глазами, сжал кулаки до хруста, настойчивая трель дверного звонка выдернула из размышлений, нашарил тапочки, потирая лицо, прошлёпал в прихожую.

— Ты чего в такую рань, - сказал Степан, пропуская Пашку в прихожую.

— Дело есть антиресное. На море поедешь?

— Эээ..., - ещё не проснувшись, протянул Степан, почё-

сывая затылок.

— Кофием угостишь друга-то, - бодро изрёк Пашка, скинул кроссовки и сделал шаг на кухню.

— Давай, я хоть проснусь немного, вот те кофе, сахар, - сказал Степан, нажал кнопку чайника. – Мне тоже сваргань.

— Окей, братан, давай умывайся, макияж, то да сё, нас ждут великие дела, - сказал Пашка, насыпал кофе в кружки.

— Что там за дела, Павлик? – спросила мать Степана, выходя из своей комнаты.

— Здравствуйте, тётъ Оль.

— Здравствуй Павлик, слышу шум, думаю, кто это в такую рань.

— Эт я. Хочу Стёпку на море вывезти, а то в армии небось мхом оброс.

— Ты не против, мам, - донеслось из ванной комнаты.

— Езжайте, конечно, чего-дома-то скучать. С ночёвкой али нет?

— С ночёвкой, тётъ Оль. Пока доедем, то да сё, на день ехать мало смысла.

— Ясно всё с вами, ту да сю как зовут-то?

— Ну вот, тётя Оля раскрыла весь заговор, - хохотнул Пашка, улыбка во все сорок пять. - Девушку свою возьму, да подружку её.

— Дело-то молодое, только не напивайтесь, мало ли что, пьяными в воду лезть.

— Да нормально всё будет, мам, - сказал Степан, зашёл в

кухню, приобняв мать, чмокнул в щёку.

Через полчаса подъехали к высокому забору, изящно сложенному из округлых камней, Пашка посигналил. Не успели сигареты догореть до фильтра, открылась кованая калитка и выпорхнули две загорелые блондинки в тёмных очках, одна в красном купальнике, вторая в жёлтом.

— Привет, пупсик, а ты с кем? - прощебетала блондинка в красном.

Девушки юркнули на заднее сиденье, звонкий поцелуй отпечатался на бритой макушке.

— Привет, звезда моя, это Степан.

— Классно, а меня Ира зовут, - сказала девушка, обняла Пашку через сиденье.

— Привет красавчик, - услышал Степан, затылок обожгли горячие губы.

— Здравствуйте дамы, - сказал Степан, взгляд скользнул по тёмным очкам в пол лица, оценил пухлые губки и нагло замер в соблазнительной ложбинке между дыньками.

— Арина, - томно сказала девушка. - Стёпчик, от твоего взгляда у меня купальник дымится.

— Извините, пожалуйста, - смутился Степан, повернулся к Пашке.

— Ариш, будь ласковей к бойцу, как никак рубежи родины целый год защищал, ещё недели не прошло как вернулся.

— Бедненький, - услышал Степан ласковый голосок, ощутил мягкую ладошку на щеке. - Садись ко мне, познакомим-

ся как можно ближе.

— Ир, вы уже сколько выпили-то? - сказал Пашка, подмигнул Степану.

— Совсем чуть-чуть, милый. По бокалу вина. Стёпа, ну что, меняемся местами?

Степан открыл дверь, проходя мимо, блондинка качнулась, сочная грудь мазнула по плечу. Устроившись на сиденье, рядом с Ариной, откинул голову на подголовник.

— Шеф, трогай, - сказала Ира, скинула сланцы, стройные ножки легли Пашке на колени.

— Ты такой скромный, - ожёг ухо шёпот, к плечу прижалось упругое, по спине промчался табун мурашек.

За такими увлекательными делами, Степан не заметил, как выехали из посёлка. В открытые окна врывается жаркий летний воздух, «Марк» стрелой помчался навстречу морю, пиву и развлечениям.

Через полчаса меж деревьев мелькнула зелень моря, окаймлённая далёким берегом, вскоре полоска леса сошла на нет и взгляду открылась просторная бухта. Зелёные волны с белыми барашками, широкая песчаная полоса, солёный ветер рванулся через открытые окна в нагретый салон машины, Пашка скинул скорость.

Проехали мимо машин, палаток, кое где целые лагеря из нескольких машин, поставленных в круг, будто цирк шапито. Остановились возле скалы, в конце пляжа, небольшая рощица уютно отгородила от дороги. Девчонки с визгом рва-

нулись к набегаящим волнам, белая пена расслаблено тает на песке.

— Ну как тебе Арина? - спросил Пашка, возле багажника выросла кучка дров, мангал.

— Супер, - отозвался Степан, достал из багажника мешки с палатками.

— Это хорошо, сдаётся мне, девки не по одному бокалу прихлебнули.

— Однозначно.

— То ли ещё будет, - пообещал Пашка, кинул Степану банку корейского пива. - Держи боец, охладись малость.

— Эх, жизнь хороша, когда пьёшь не спеша, - сказал Степан, хлопнул язычок банки, глянул на море, где плещутся соблазнительные нимфы.

— Ладно, успеешь ещё насмотреться, и всё остальное тоже, давай палатки поставим, шашлычка зажарим. Самое веселье начнётся, когда девки коньяка отведают, я Ирку знаю.

Установили две палатки, между ними и машиной натянули синий тент, размер, хоть слона обматывая, один край накрыл машину. Под тентом по-хозяйски встал складной стол, кресла, в сторонке разожгли мангал.

Маринованные кусочки свинины поспешили на шампура, и вскоре по пляжу поплыл такой запах, что возбуждённо загалдели чайки в небе.

Словно мотыльки на огонь, на запах примчались девушки и с видом королев угнездились в креслах. Солнце роб-

ко коснулось далёкого горизонта, по воде пролегла мерцающая оранжевая дорожка как в волшебной сказке, путь в страну чудес. Развели костёр, в наступающих сумерках палатки осветили причудливые сполохи.

— Ну что, отметим такой козырный отдых, - сказал Пашка, оглядел салатики на столе, дымящееся мясо в большой тарелке, пересыпанное кольцами лука.

— Наливай, а то уйдём, - сказала Ира, ткнула вилкой в сочный кусочек мяса.

— Я вам уйду, - сказал Пашка, погрозил пальцем. - Стёп, чего ждёшь?

Степан скрутил пробку на бутылке, разлил ароматную жидкость в пластиковые стаканчики. В одной руке вилка с куском шашлыка, поднял стакан.

— Хочу тост сказать, - провозгласил Степан. - Давайте выпьем за Пашку, спасибо друг, что привёз нас в такое чудесное место.

Пашка церемонно поклонился, словно повар царской кухни поднёс блюдо государю:

— Для вас, хоть мордой в салат, лишь бы вы улыбались. Девушки синхронно хихикнули, что развеселило всех ещё больше и отсмеявшись, компания смело шагнула в уютный мир коньяка, шашлыка и шума прибрежной волны.

Глава 12

Степан взвился в беззвучном вопле, в большом пальце левой ноги пульсирует боль. Дёрнул ногу к себе, ладонь нащупала шершавое, шипастое, боль отпустила палец и вцепилась в руку. Зашипел как кот при виде собаки, вжикнула молния полога, выкатился из палатки.

При отблесках догорающего костра разглядел в руке небольшого краба, вцепившегося в ребро ладони. Краб разжал клешню, прицелился на мизинец, Степан швырнул супостата в сторону волн, мягко накатывающих на песок.

Сунулся в палатку, нащупал с краю фонарик, луч скользнул по обнажённому телу Арины, разметавшимся белокурым волосам. Высветив шорты, натянул, достал из кармана сигареты.

Переворотив костёр, кинул в середину пару поленьев, развалился на складном кресле, к звёздам поднялся дымок сигареты. Вспомнил сумасшедшие ласки Арины, словно отдавалась последний раз в жизни, горячие губы, шептавшие непристойности.

— Не девушка, ураган, - пробормотал Степан, засмотрелся на мерцающие звёзды в ночном небе.

Вдруг в душу словно проник злобный зверёк, куснул за сердце. возникло смутное беспокойство, будто надвигается неотвратимое, злое. Из-за спины раздалось рычание, Степан

похолодел, взгляд метнулся в поисках оружия.

— Чё не спишь? - послышался Пашкин голос.

— Блин, так и разрыв сердца получить недолго, - выдохнул Степан, в груди колотится.

Пашка выбрался из палатки словно медведь, порывается да почёсывается, заковылял в сторону импровизированного туалета из четырёх палок, воткнутых в песок, будто столбы, по периметру обмотаны чёрным целлофаном.

— Друг, пиво ещё осталось? - спросил Степан, когда Пашка вернулся и уселся с сигаретой в кресло.

— Пара упаковок, в багажнике, мне тожехвати.

Пашка ловко поймал банку, хлопнул язычок. Степан поставил на стол три банки, выбрал похолоднее, мощным глотком ополовинил.

— Слушай, Пах, у тебя нет чувства, словно на яйца наступили?

— Неа, а чо такое-то?

— Что-то беспокойно мне, будто натворил чего, не знаю, как объяснить.

— Да забей. Как там говорят, если кажется — кремировать надо. Ха-ха. - сказал Пашка, пузо затряслось как холодец. - Как Аринка-то?

— Горячая.

— Других не держим, - сказал Пашка, словно хозяин борделя, в один гигантский глоток прикончил банку. - Ну что, по койкам?

Степан огляделся. Бревенчатые стены, за окном виднеется огород. На кровати в углу, под иконами, мечется в жару ребёнок, лицо и руки покрыты язвами, фурункулы размером с жёлудь.

— Давно ли matka, отрока изурочили? — раздался знакомый голос.

В горницу вошёл монах в оборванной рясе, на лбу залегли морщины, изумрудные глаза пытливо всмотрелись в угол. Следом босая тётка, выстиранный сарафан кое-где сверкает дырками.

— Давеча ночальники наезжали, батюшка, во лбах звёзды что маков цвет. Хлиба спрашивали, да где взять иродам. Один ночальник глазом пристраиным усё посверкивал. Потом в сарай отвёл мене, приставал охально. Я ногой под срам ему. Ругался страино. На Миколу мово глянул, бормотал чего-то.

Зелень глаз люто вспыхнула, монах подтолкнул тётку к двери:

— Иди матушка, обожди малёхо, поправим мальчика, не сумлевайся.

Закрыв дверь, придвинул скамейку к кровати, взгляд остановился на иконах, забормотал тихонько. Постепенно ребёнок затих, монах положил ладонь на потный лобик, закрыл глаза.

Лоб мальчика призрачно осветился, сияние властно охва-

тило худое тельце. На лбу монаха выступили крупные капли размером с яблоко, шёпот оборвался, руки упали бес-
сильно. Фурункулы покраснели, воспалённую кожу прорвали
гнойные стержни, язвы потемнели, покрылись коркой.

За дверью раздался грохот, голоса. Всё перекрыл бабий
крик:

— Туды не пуцу, ироды клятые. Доколь терзать нас бу-
дете.

Грохнул выстрел, от мощного пинка дверь едва не разле-
телась о стену. Тонкий запах пороха заставил чаще биться
сердце, ворвались солдаты, уставились на ребёнка.

В комнату вошёл тип в кожаном пиджаке, хмурый взгляд
зацепил распахнутое окно.

— От же сука, ушёл.

— Догоним, товарищ командир? - загалдели солдаты.

— Хрен с ним, куда не денется, - сказал тип, достал
из кобуры наган, подошёл к кровати. - Соберите всё ценное,
иконы не забудьте и сожгите всё к ебням.

Утром Степан никак не мог избавиться от щемящего чув-
ства в душе. Не помогли ни коньяк, ни ласки Арины. Бро-
сившись в волны, плавал до посинения, всё без толку. Засел
возле костра, мокрый и отрешённый от всего, мрачно при-
нялся жарить мясо на шампуре.

— Шеф повар приготовил чудо-блюдо, - услышал Степан,
оцепенение схлынуло.

— Что, дружище, любовь посетила, - участливо спросил мокрый Пашка с полотенцем наперевес, кивнул на шампур, где чернеет сгоревшее мясо.

— Пах, поехали домой, а?

Пашка выронил банку, обдало пеной ноги, брызги зашипели на углях:

— Ты чего, веселье в полном разгаре. Море, шашлыки, бухла завались, девки, опять же. Возбуждённые, между прочим. Шо ещё надобно, старче?

— Всё это зашибись, только домой тянет, аж душа пополам. Ладно, я тогда сам доберусь?

— Тормози вагон, куда ты собрался, - пробурчал Пашка, взял из упаковки банку пива, уселся в кресло. - Для тебя же старался.

— Дружище, спасибо агромное, но сердцу не прикажешь. Рвётся оно, сердце, понимаешь?

— Ладно, ща поедем, - вздохнул Пашка. - Но ты мне должен кураж, усёк?

— Базару ноль, ты настоящий друг, знаешь?

— Ясен хрен, этож я, светоч дружбы, ёпта.

— Так что, собираемся?

— Погоди малёхо, вот допью и поедем. Тебе кстати за руль, - сказал Пашка, многозначительно потряс банкой.

Степан принялся вытаскивать вещи из своей палатки, когда вернулись девушки. На загорелой коже брильянтами сверкают капли воды, сквозь мокрую ткань купальников

просвечивают всякие интересные места.

— А вы что это затеяли, озорники? - спросила Ира, погладила Пашкину макушку.

— Всё, красотуля, поднимаем якоря. Срочные дела нарисовались.

— Ну ёперный театр, - протянула Арина. - Павлик, ты же обещал, на три дня едем.

— Ну, блин, так получилось, сам не ожидал, - сказал Пашка, развёл руками. - В следующий раз на неделю загудим, лета ещё вона сколько.

— Ловлю на слове, а то я ещё толком со Стёпчиком не познакомилась, - промурлыкала Арина, прижалась к Степану.

— Весь пляж слышал, как вы знакомились, - сказала Ира, ласково пихнула подружку локтем в бок.

— Ладно, смех смехом, а ёжик кверху мехом, - сказал Пашка, бодро подскочил с кресла. - Собираемся, девоньки.

Глава 13

Промелькнул двор. Взбежав по лестнице, Степан забарабанил в дверь. Тишина. Порывшись в карманах, отыскал ключи. Не разуваясь, пробежался по квартире, в миске, на кухонном столе, ломтики очищенной картошки. На плите сковорода, дно закрыто лужицей масла.

Немного отпустило, видимо мать ненадолго вышла, раз приготовила картошку для жарки. Уже спокойней разулся в прихожей и прошёл на кухню. Высыпал картошку в сковороду, включил плитку на троечку.

Послышался стук в дверь, на пороге соседка, тётя Вера.

— Стёпа, там это... твоя мать того, в больницу увезли.

— Какая больница, почему, когда, куда?

— Машина сбила, нерусская какая-то, я номер-то запомнила. Мы на рынок пошли. По тротуару идём, тут машина из-за поворота, быстро так, и прямо на нас, Оля была с краю, вот и того, - сказала тётя Вера.

— Мать жива или нет, - прошептал Степан.

— Не знаю, Стёпа, не знаю. Машина-то уехала сразу, люди подбежали, полиция приехала, скорая. Я номер машины сказала, и сюда побежала.

— Где это было?

— Пойдём, покажу, тут недалеко.

Миновали домов пять и школу, Степан издалека увидел

расходящуюся толпу, у тротуара «Тойота» с синей полосой по борту. Подбежал к толпе, сунулся в полицейскую машину:

— Жива?

Молодой сержант хотел уже было рывкнуть, увидел глаза Степана, спокойней спросил:

— Вы кто?

— Сын. Жива или нет, куда увезли?

Сержант, почти извиняясь, сказал:

— Вроде жива, машина сбила, уже объявили розыск. Не переживайте, всё будет хорошо, может к больнице подвезти?

Степан молча сел в машину, невидящий взгляд затерялся между домами. Сержант повернулся:

— Мы этого гонщика обязательно найдём, номер машины известен, свидетели есть. Никуда не денется. Вот кстати и больница, сразу скажите, что сын, могут не пустить.

— Спасибо, - сказал Степан, выбрался из машины.

В два прыжка взлетел на крыльцо, стеклянные двери едва не лопнули от могучего толчка. Сунулся в приёмный покой, никого, вертя головой по сторонам, двинулся по коридору. Открылась дверь, вышли двое в белых халатах.

— Молодой человек, вы куда?

— К матери, - буркнул Степан, попытался втиснуться между врачом и стеной.

— Ясно, - сказал второй. – Как фамилия, когда поступила? Или сами будете искать по палатам?

— Извините. Сегодня в аварии пострадала, Потёмкина

Ольга Дмитриевна. К вам привезли с полчаса назад.

Врачи переглянулись, один взял Степана под локоть, пошёл в сторону выхода:

— Как вас зовут?

— Степан.

— Понимаете, Степан, сейчас ваша мама в реанимации, сильно ударилась головой, да и по телу возможны переломы, ушибы. Вы не переживайте, сделаем всё возможное. С ней сейчас работает бригада хороших специалистов.

— Чем я могу..., - начал Степан, в глазах застыли слёзы, горло будто сдавила мощная рука.

— От вас сейчас ничего не зависит, - настойчиво сказал врач. — Пойдите домой, только не делайте ошибок. Завтра утром придёте, думаю, опасность будет позади.

Степан вышел из больницы, ноги бредут на автопилоте, в голове разрастается Сахара. В уши проник крик, на плечо опустилась тяжёлая рука.

— Ты чё, блин, оглох? Я ору как ненормальный, - выпалил запыхавшийся Пашка. — Чё стряслось-то?

— Мать машина сбила, - отрешённо сказал Степан.

— Да ну нах, - сказал Пашка, чуть не сел на пыльный асфальт.

— Пах, чё делать-то, а?

— Вот почему тебя домой тянуло. Слушай, ты сейчас всё равно ничем не поможешь, только мозг притушить, иначе так и будешь гамки гонять. Да и мне, похоже, тоже надо при-

нять.

— Точно, давай чонить покрепче возьмём, посидим, мне шас кто ни будь рядом нужен.

— Да какой базар, дружище, ты кого во мне увидел? Думаешь, я тебя сейчас брошу штоль?

— Спасибо, Палыч, ты в натуре друг.

— Лан, хорош слюни разводить, пойдём в магаз.

Руки отвисли под тяжестью пакетов, зашли в подъезд. В носшибанул запах гари, по ступенькам поскакали замысловатые матюки, вслед рванули Пашка со Степаном. С пятой попытки ключ попал в скважину, из раскрытой двери вырвался мощный клуб дыма.

Парни кинулись в квартиру, кашель рвёт горло, дым выедаёт глаза. Степан в кухню, Пашка в комнату, пальцы судорожно отщёлкивают шпингалеты на окнах. Вытирая слёзы, виновник торжества схватил дымящую сковороду, сунул в раковину. Струя воды ударила в раскалённый металл, словно зашипели сто кошек, пар начал вытеснять дым в распахнутое окно. Выключил плитку, на ощупь пробрался на балкон, следом вылез Пашка, лёгкие с хрипом выталкивают воздух.

— Ну ты даёшь! Шашлык сжёл, хату чуть не спалил. Пироман херов.

— Жизнь дала трещину, что за полоса пошла? - мрачно сказал Степан.

— Да уж. Главное, не опускай руки, может всё к лучшему?

— Что именно? Паха, ты какую-то чушь несёшь, чего тут

хорошего, что мама в аварию попала, что хата чуть не сгорела?

— Да это выражение такое, может для того чтобы не впасть в отчаяние, а?

— Хер его знает, в какую пасть, щас пакет принесу, на балконе пока зависнем. Пусть хоть выветрится маленько.

— И то дело, - сказал Пашка, вытащил из-за коробок в углу складной столик.

Степан принёс пакет, табуретки, постелил газету на стол. Пашка выставил на стол бутылку виски, рядом торжественно замер взвод баночного пива. С хрустом стащил крышку с пластикового контейнера, в масле розовеют подкопчённые щупальца осьминога. В тазике лениво развалились варёные тигровые креветки.

— Давай, Стёпыч, что бы тётя Оля поправилась быстрее, - сказал Пашка, поднял рюмку. - Всё наладится, вот увидишь.

— Дай бог, дружище, иначе только в петлю лезть.

— Давай тяпнем, и расскажешь наконец, что произошло-то.

— Да что тут рассказывать, мать с соседкой пошли на рынок, прямо на тротуар заехала какая-то падла.

— А тётя Оля как там?

— В больнице, врачи сказали прийти завтра.

— А менты чего?

— Пока ничего, думаешь, найдут?

— Стопудов, кстати, можем сами попробовать, какой там

номер, говоришь?

— Не знаю, надо у тётъ Веры спросить, гляну, дома ли, - сказал Степан, метнулся в прихожую.

Через минуту Степан положил на стол бумажку:

— Как называется, не знает, нерусская, говорит. Цвет чёрный, хорошо, номер запомнила.

— Ладно, звякнем одному человечку. Главное, чтобы на связи оказался, - деловито сказал Пашка, достал из кармана телефон.

Степан взял банку корейского пива, хлопнул язычок. С хрустом оторвал у креветки полосатую жопу. Пашка сосредоточенно слушает гудки, лицо озарилось:

— Алло, Рудольф. Здорово, друг. Слушай, машину пробьёшь одну? Записывай номер, - Пашка продиктовал цифры. - Ну всё, дружище, жду звонка.

Пашка выудил щупальце осьминога, другой рукой взял креветку, полная рюмка в недоумении сверкнула янтарным содержимым. Осьминожья конечность пошла в разведку, хруст полосатого панциря возвестил о готовности вступить в бой.

— Пах, а ты кому звонил?

— Да так, хакер один. Из-за компа не вылезает. Гений информационной ориентации, - сказал Пашка, подняв вверх указательный палец. - Представляешь, ему даже бабы не нужны, главное, чтоб перед глазами монитор.

— Печально.

— Кому? Ему-то зашибись. Жена ушла, на почве ревности к компьютеру, вот он и возненавидел женский род, включая трансов. Теперь всегда онлайн, - сказал Пашка, глянув вниз, плюнул на клумбу.

— Ясно. Может ещё позвонить?

— Ждём, наливай пока.

Не успели закусить, раздалась трель телефона.

— Ну как, есть что? – спросил Пашка, лицо застыло в ожидании.

Степан уставился на Пашку, удивлённо наблюдая за выражением лица. Улыбка друга погасла, в глазах зажёгся странный огонёк, губы сжались в нитку.

— Пах, ну чё там.

Пашка поднял вверх палец, сосредоточенно слушая голос в телефоне.

— Ладно, Рудольф, спасибо. Сам знаешь, за мной не заржавеет, если что, звони, - сказал Пашка, нажал кнопку отбоя. - Да, Стёп, даже не знаю, как сказать.

— Не томи. Хакер этот не смог узнать хозяина машины?

— Да нет, не всё так просто. В том-то и дело что хозяин машины известен, и ещё как, - сказал Пашка. – Давай по пять грамм и расскажу.

Степан молча взял полупустую бутылку, плеснул в рюмки. Предчувствуя неважные новости, слегка помрачнел. Молча чокнулись, Степан поднёс огонёк зажигалки к Пашкиной сигарете, тоже прикурил.

— Короче, Стёпа, твою маму сбил Зверёк, знаешь такого?

— Нет, что за представитель фауны?

— Зовут Игорьь, фамилия Зверьков, погоняло Зверёк. Хотя, вряд ли ты знаешь, круг общения слишком разный.

— Он что, губернатор? Ты аж в лице изменился.

— Стёп, шутки с утками, - буркнул Пашка. – У Зверька отец депутат, во Владике заседает. Мать – хозяйка салона магических услуг. Сам Зверёк крутится с такими деятелями как Змей и тому подобное. Помнишь Змея?

— Помню, в школе был такой отморозок, его потом вроде на малолетку отправили.

— Ну вот, сейчас Змей на «Лэнд Крузере» ездит в компании таких же отморозков. Бандос, одним словом. Какое-то время их гоп-компания под дядей Васей ходила, помнишь такого?

— Дядю Васю? Кто ж его не знает. Конечно, помню, он же в своё время шороху навёл порядочно в посёлке.

— Вот-вот. Кстати, пока ты в армии был, дядя Вася на мамку этого Зверька наехал, типа салон без защиты вспыхнуть может.

— Ну и? - спросил Степан, мрачняя.

— Ну и почему-то стремительно бросил все дела и испарился. Говорят, где-то в деревне живёт на отшибе, а его теми щас Змей рулит. Такая вот хрень.

Степан задумался, картина вырисовывается не радостная. У таких ублюдков связи, деньги. Прямой наезд на Зверь-

ка только создаст кучу проблем. Но мама в больнице, если всё так оставить, то как жить, чувствуя себя полным говном. Пашка налил виски, в глазах сочувствие. Степан тряхнул головой.

— Ладно. Если мы узнали чья машина, то менты тем более узнают, пусть с этим козлом и разбираются.

— Точно, посмотрим, как менты отреагируют, а там видно будет. - поспешил согласиться Пашка.

Глава 14

Степан открыл глаза, взгляд сразу наткнулся на окно, заклеенное крест-накрест бумажными полосками. Молодая, очень красивая женщина, в простом сером платье, задёргнула окно тяжёлой чёрной шторой. В небольшой комнате сразу стало уютнее.

— Вот умница какая, иди ко мне, кушать станем, - сказал мужчина лет сорока в выцветшей рубаше.

Уже не удивившись, Степан узнал старого знакомого, рыжие, прореженные сединой волосы. Те же глаза, цвета молодой, весенней травки.

— Сейчас иду, любимый, - прозвучал мелодичный голос женщины.

На столе законченный котелок, в глубине темнеет картошка в мундирах. На газете кусок чёрного хлеба, две головки лука.

— Ну что, моя красавица, сегодня у нас царский ужин, - сказал рыжий, потёр ладони.

— Да милый, хорошо удалось достать хоть это, - сказала женщина, ласковый взгляд не отрывается от мужа.

Раздался властный стук в дверь. Мужчина и женщина, вздрогнули, быстро переглянулись.

— Кто там? – робко спросила женщина.

— НКВД, - послышался грубый голос.

Мужчина метнул взгляд на окно и посмотрел на жену. Та в немом волнении нервно теревит платье. Вздохнув, рыжий подошёл к двери и дёрнул засов. В комнату ввалились несколько человек в серых шинелях, впереди неприметный человек в чёрном пальто.

— Гражданин Потёмкин, вам придётся проехать с нами, - раздался визгливый голос.

— А в чём дело? - спросил мужчина, тревожно глянул на жену.

— Там объяснят.

Рыжий накинул потёртое пальто, подошёл к жене, молча обнял. Крупные слёзы бриллиантами засверкали в прекрасных глазах женичины.

— Уведите, - буркнул тип в пальто солдатам.

Солдаты вывели мужчину из комнаты. Человек в пальто подождал пока закроется дверь, подошёл к женичине.

— Вас надо бы тоже арестовать, - сказал тип, похотливо оглядел ладную фигуру женичины. — Как пособницу.

— За что арестовали моего мужа? - спросила женичина, голос задрожал.

— За религиозную деятельность в прошлом, возможно в настоящем.

— Он не сделал ничего плохого, - прошептала женичина.

— Там разберутся. Между прочим, у вас есть шанс помочь мужу, - сказал тип, взгляд упёрся в аппетитную грудь.

— Как? - в надежде воскликнула женичина, взгляд в моль-

бе устремился на человечка.

— Ты знаешь, что такое НКВД. Сделаешь что скажу, отпустим мужа сегодня же, - сказал тип, по-хозяйски обнял женщину.

— Что вы делаете, - еле слышно сказала женщина, попыталась оттолкнуть.

— Будешь дёргаться, мужу расстрел, а тебя лет на 25 в Сибирь закатаем, - сказал тип, резко хлопнул ладонью по столу.

Женщина вздрогнула и опустила голову. Тип скинул пальто, подвёл жертву к столу.

— Нагнись, - сказал охрипшим голосом, одной рукой пригнул женщину к столу, второй задрал платье...

Степан проснулся, в подъезде крики, запах гари раздрает ноздри. Простыня отлетела в сторону, на ходу впрыгнул в сланцы, нащупал выключатель, натянул трико. В прихожей из-за едкого дыма еле просматривается дверь, жуткий кашель сотряс тело. Распахнул дверь, тут же закрыл, пробежал по квартире, раскрывая настежь окна.

Кинулся в ванную, тугая струя воды ударила в ведро. Перевесившись на одну сторону, дёрнул ручку входной двери, волна воды из ведра ударила в пламя, охватившее соседскую дверь. Клубы дыма взметнулись под потолком в мини-атомном грибке. Раздалось шипение - словно наступили в клубок разъярённых змей, белым облаком заволокло подъезд.

— Тётъ Вера!

От мощного удара соседская дверь едва не слетела с петель, кашляя как туберкулёзный, кинулся вглубь задымлённой квартиры. Споткнулся о неподвижное тело на полу, посреди прихожей. Степан ухватил тётъ Веру подмышки, перетащил к себе в квартиру. Взял газету и замахал у лица женщины.

— Стёпа, - слабо прошептала соседка.

— Всё нормально, тётъ Вер. Что случилось, почему дверь горела? – спросил Степан, усадил соседку в кресло.

— Не знаю, Стёпа, я как с милиции пришла, телевизор посмотрела и спать легла.

Тётъ Вера закашлялась, Степан метнулся на кухню, принёс кружку с водой. Соседка жадно выпила воду, отдышалась.

— Вот, Стёп, показания дала, следовательно странный какой-то. Всё переспрашивал, точно ли таким цветом машина, точно ли такой номер. Потом спросил, не состою ли я на учёте у психиатра. Это я-то! У психиатра! Представляешь! - слабо прошептала соседка.

— Странно, конечно. Хотя догадываюсь почему.

— Ночью проснулась, чувствую, дымом тянет. Включила свет, пошла на кухню, думала, может там чего. Тут, батюшки, смотрю вся прихожая в дыму. Кинулась к двери, да что-то открыть не могу. Потом не помню ничего, видать дыма наглоталась.

— Ладно, тёть Вер, не переживайте, разберёмся, - сказал Степан, поднимаясь. — Я сейчас вернусь, вы пока на балкон выйдите, подышите.

Степан взял фонарик, вышел в прихожую. Дым немного рассеялся, открыл дверь, вышел в подъезд. На соседской двери дымятся остатки дерматина. На площадке, между этажами луч фонаря выхватил пустую пластиковую бутылку, поднял за горлышко, ощутимо запахло бензином.

Вышел из подъезда, закурил. Тело потряхивает, ярость распирает, требует выхода. Почти в бешенстве отшвырнул бычок, вернулся в квартиру.

— Тёть Вер, если хотите, ложитесь пока у нас, на диване, до утра подремайте, - сказал Степан. — Утром сходите в полицию и напишите заявление что вашу дверь подожгли. Там бутылка из-под бензина, на лестничной площадке валяется.

— Вот изверги, зачем так хулиганить-то, - сказала соседка, всплеснула руками.

— Это, тёть Вер, не хулиганы. Кто-то очень не хочет ваших показаний, хотят вас запугать.

— Да ты что! А что делать-то, Стёп?

— Не волнуйтесь, будем бороться, в конце концов полиция зачем существует? — сказал Степан, ещё не подозревая как заблуждается.

Вручив тёть Вере подушку и покрывало, Степан вышел на балкон, закурил. До рассвета осталось совсем ничего, сон как рукой сняло, и Степан принялся мыть посуду на кухне,

навёл порядок на столах. Послonyaвшись по своей комнате, прилёг на кровать с книжкой в руках.

Скоро на улице зашумели первые утренние машины, раздались голоса ранних прохожих. Послышался скрип дивана, затем осторожный стук в дверь комнаты.

— Да, тёть Вер, заходите.

— Стёп, я к себе пойду, а то вона дел сколько, - сказала соседка в приоткрытую дверь.

Степан проводил до двери, включил чайник на кухне. Вскоре мощный аромат кофе взлохматил мозг. Через полчаса, бодро скатился по ступенькам, на выходе из подъезда ветер едва не сорвал бейсболку, вприпрыжку побежал к больнице.

В два прыжка взлетел на широкое крыльцо, в одну мощную затяжку скурил сигарету. Толкнул двери и сразу увидел вчерашнего врача, у приёмного покоя.

— Извините, как там мама?

— А, Степан, кажется. Не отчаивайся, самое страшное позади, сильное сотрясение, сломана нога и два ребра. Много ушибов, но выздоровление уже дело времени.

— Доктор, что нужно, вы скажите, я принесу, - сказал Степан. — Когда можно к ней?

— Сегодня переведём из реанимации, пусть немного отдохнёт, а завтра можете навестить. С лекарствами вот такая ситуэвина. Казённое снабжение, сами знаете какое, а если купите хорошие препараты, поправится быстрее и качествен-

ней.

— Это без разговора, только скажите, что нужно.

— Пойдёмте в мой кабинет, я вам напишу.

Из аптеки вышел ошарашенный, сумма на лекарства наминает бюджет Эфиопии. По пути домой зашёл в магазин и немного пришёл в себя возле витрины с алкоголем. Как под гипнозом, купил литр водки, пару пачек сигарет. Выйдя из магазина, направился к другу. Едва подошёл к подъезду, дверь открылась, в проёме Пашка, через плечо спортивная сумка.

— Здорово дружбан, ты ко мне?

— Ессесвенно, - сказал Степан, пошуршал пакетом.

— Не, Стёп, я как раз к тебе шёл, надо к бате ехать. Раз-узнаю про Зверьковое семейство, да про дядю Васю. Отец его раньше хорошо знал, даже чего-то мутили вместе.

— Ёпта, а мне чего делать, килограмм ведь, - сказал Степан, грустно заглянул в пакет.

— Стёп, надо завязывать с синькой, если хочешь как-то разобраться со Зверьками, надо быть в кондиции. Спьяну дров наломать — раз плюнуть.

— Да понятно, какой базар, только в душе тоска, сил нет. Водкой хоть оглушить себя можно, чтобы не думать, как всё херово.

— Погоди причитать, от бати приеду и чонить придумаем. А бухло проблем не решит, тока хуже будет. Дождись меня, через пару дней приеду, - сказал Пашка, закинул сумку в

машину и протянул руку. - Ладно, Стёпыч, держись, не так страшен тот, кто его малюет.

Степан пожал другу ладонь и сев на лавочку, закурил. Проводил взглядом «Марк» и задумался. Хватит денег на лечение или нет. Накажут Зверька или как. Остаётся только надеяться на справедливость. Должна же быть такая штука в этом мире. Заглянул в пакет, помявшись немного, поднялся и шагнул к своему подъезду.

Глава 15

Белый «Марк» вальяжно подъехал к подъезду, в утренней тишине шорох шин разнёсся на весь двор. Пашка выбрался из машины как медведь из берлоги, достал из багажника сумку, зашёл в подъезд, за спиной пикнула сигналка. Тяжело поднялся по ступенькам.

— Дааа, хоть морковку сажай, - сказал Пашка, когда зашёл в квартиру и провёл пальцем по кухонному столу.

На столе осталась полоса на слое пыли, начертил пальцем икс, игрек и ещё один знак высшей математики. Ухмыльнулся, достал из холодильника банку «Асахи», вышел на балкон, к небу поднялся ароматный дымок «Парламента».

В подъезде напротив гроыхнуло, словно кто-то с размаха воткнулся в дверь, сигарета едва не выпала из пальцев. Из подъезда вывалился, пьяный в хлам, Степан и еле переставляя ноги поплёлся в сторону. Пашка отставил пиво, в один скачок запрыгнул в кроссовки, пробежал на улицу, догнал Степана.

— Стой, алкан, ты куда намылился, - рявкнул Пашка и осёкся, увидев глаза друга. — Стёп, ты чего?

— За водкой иду, - монотонно сказал Степан.

— Не гони, какая водка, ты себя в зеркало видел?

— Мне уже на всё похер, надо водки, - сказал Степан и побрёл дальше.

— Стоять! Хочешь выпить? Тока водки не надо, я тебя умоляю. Щас пивка возьмём и посидим культурно, поведаеть что это тебя так накрыло.

Подошли к магазину на углу дома. Степан тяжело опустился на лавочку возле магазина, Пашка метнулся внутрь, вскоре появился с двумя трёхлитровыми бочонками «Хайта» под мышками, руку оттягивает пакет, откуда торчит хвост копчёной сёмги.

— Пойдём к тебе, а то у меня пылица, хоть укроп сажай.

— Пойдём, - безразлично сказал Степан.

— Только домой забегу, возьму кое-что.

Степан остался сидеть на лавочке, прижимая к себе бочонки и пакет, а Пашка, не тратя лишних слов, нырнул в тёмную утробу подъезда. Внутри грохнули двери, где-то вдалеке хлопнула ещё одна, и через пару минут друг выскочил обратно, в руке небольшой пакет.

— Щас всё поправим, золотце.

— Чего поправим, - сказал Степан, в глазах метнулась надежда.

— Будем решать вопросы по мере их отступления, - провозгласил Пашка, подхватил бочонки, бодро шагнул к Степанову подъезду.

— Ого, Стёп, а когда это у тётъ Веры случилось? – сказал Пашка, глядя на обгоревшую дверь.

— Недавно. Дали понять что шутки плохи, - сказал Степан, воткнул ключ в замок.

Тяжёлый запах с порога шибанул в нос, будто лопатой по хлебалу. Морщась, Пашка прошёл в комнату и встал как пророс. В зале, из дырки под люстру, свисает верёвочная петля, кусок мыла на облезлой табуретке.

— Это чего? – ошарашенно спросил Пашка.

— Да так, не обращай внимания, - сказал Степан, махнул рукой.

— Грёбанный насос. Дела хуже, чем я думал. Давай-ка народное китайское средство применим, батя с Китая привозил. Шибко могучая штука, однако.

Пашка потащил друга на кухню, сгрёб со стола целую батарею бутылок из-под водки, включил чайник. Степан тяжело сел на табурет, безучастно глядя в одну точку. Чайник закипел, из пакетика появилась на свет яркая коробочка, с пачку сигарет. Пашка сыпанул жмень в кружку, залил кипятком, в воздухе мощно запахло травами.

— Вот, держи, - сказал Пашка через три минуты, вручил другу кружку. – Зажми нос и выпей мелкими глотками.

Степан послушно зажал пальцами нос и принялся шумно прихлёбывать. По мере опустошения кружки, лицо порозовело, затем покраснело. Глаза по пять рублей, кружка грохнула о стол, пулей метнулся в ванную.

— Ну вот, - сказал Пашка, довольно хохотнул, миссия выполнена, можно и расслабиться.

Нарезал сёмгу тонким ломтиками, вымыл руки. Хлопнул язычок бочонка, кружка счастливо раздулась от пива. Смач-

но прихлебнул, не обращая внимания на шум в ванной. Через полчаса звуки льющейся воды оборвались, Степан выбрался в кухню, пытаясь, словно беременный ёжик, красное тело пышет жаром, как после бани.

— Что за херню ты мне дал? Такое ощущение, будто наизнанку вывернули, прополоскали и обратно завернули.

— Я не в курсе что там, когда батя с Китая привёз, сказал, от запоя. Я как-то попробовал. Не поверишь, по-китайски матерится научился. Зато результат налицо, - сказал Пашка, зачихнул в рот ломоть сёмги.

— Да уж, мне и пить неохота, - буркнул Степан. – Ты где был-то в последние дни?

— У бати во Владивостоке задержался, помочь там надо было. Ты лучше расскажи, как ты докатился до такой жизни.

— Как обычно, катился, катился.

— На вот, садани пивка, - сказал Пашка, наполнил кружку.

— Что-то я очкую, после этой китайской штуки.

— Крепкое бухло тебя сломает, а пиво я специально взял пятипроцентное.

— Ладно, - сказал Степан, осторожно глотнул.

— Ну как?

— Вроде нормально.

— Тогда рассказывай. Как там тётя Оля, кстати?

— Поправляется, я на лекарства денег убил, немерено. В общем, щас покажу одну штуку. - Сказал Степан, вытащил

из кармана смятый конверт.

— Едрён-батон, несчастная любовь что ли, - сказал Пашка, глянул на лицо друга, осёкся.

Вытащил из конверта смятый лист, углубился в чтение. Степан выдул кружку залпом, подцепил вилкой розовый ломтик. Пашка дочитал, положил листок на стол.

— В принципе, ясно. Дело закрыли по примирению сторон, что здесь такого. Кстати, как примирились-то? Много этот тип заплатил?

— Паха, мать сказала, к ней никто не приходил, понимаешь? Я сразу пришёл к следователю, мне сказали, что на больничном, через день позвонил, говорят, в отпуске.

— Понятно. Мутят воду, суки. Видать, связи у Зверьков, дай бог каждому. А ты решил одним махом решить все вопросы, приладил петельку, приготовил мыльце?

— Затмение нашло. Решил ужраться ваще в сиську, вышел в магазин. А ты тут и появился.

— Ёпта, так я же как ангел с небес. Слушай, тебя нельзя одного оставлять.

— Нет, уже всё, кризис миновал.

— Точно? Ладно, тёть Оля уже нормально себя чувствует? Может навестим вместе?

— Её в краевую отправили, врач попался хороший, помог с направлением. Не задаром, конечно, да кто сейчас бесплатно суетиться будет.

— Слава богу, в краевой обслуживание получше. Ладно,

не горюй. Я ещё не рассказал, как к бате съездил. В общем расклад такой. Зверьку вряд ли что будет, только если папа дома поругает. Денег от них тоже не жди.

— Куда ни кинь, всюду клин, - сказал Степан, мрачно опустил кружку. - Ещё надо работу найти, скоро денег не то что лекарства, на жратву не хватит.

— Батину стоянку за моим домом помнишь? Он, когда во Владивосток перебрался, стоянку на меня оформил. Без денег не сию, говори сколько надо, одолжу, пока не заработаешь.

— Не, Пах, занимать не хочу, потом отдавать чем-то надо, да и не люблю это чувство долга.

— Ясно, могу тогда можешь поработать. Сутки через двое дежурить на стоянке. Пятнадцать штук в месяц.

— Вот это уже лучше. А что, у тебя человека не хватает?

— Людей-то хватает, одного балбеса только уволю, устраивает на стоянке куражи. Я ему хотел в дыню дать, для профилактики, но раз такое дело, лучше уволю.

— Спасибо Паха, - сказал Степан, пожал пухлую ладошку. — А с этим ублюдочным Зверьком как быть? Думает, ему всё можно, волосатые лапы предков всё решат?

— Не спеши, тут надо подумать. Сам уже знаешь, с голыми руками на них переть, что против танка. Батя, кстати, объяснил, как дядю Васю найти, авось подскажет чего дельного.

— Лады, давай ещё по кружке, да я спать рухну. Чот меня

потряхивать начинает.

— А чо ты хотел, столько бухать. Ладно, завтра покатаемся, покажу их коттедж, салон, и понаблюдаем малёхо. А потом дядю Васю поищем.

Глава 16

Степан открыл глаза, рядом идёт колонна, человек десять в чёрной робе, белые бирки на груди. Из-под кирзовых сапог летит в стороны мокрая глина. Позади два солдата в форме, с винтовками. Один длинный, что журавль. Второй так себе, бесц

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.